Я родилась в тот день, когда для всех меня не стало.

Все события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми являются случайными.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Заняв место на одной из боковых деревянных лавок в салоне допотопного Ми-8, я даже рюкзак не сняла, чтобы не колотиться спиной о грубую, местами отваливающуюся обшивку. Меня усадили с краю, потому что полсалона занимали коробки, ящики, какие-то мешки; на полу, на жестких носилках, лежал мальчишка — лет двенадцати, не старше.

Санрейс из Поселка в Город. Я тоже буду называть точки на карте, как писатель Олег Куваев, а регион в общем — Территорией. Почему бы и нет? Тем более, оба романа — «Территория» и «Правила бегства» — в одном томе покоились сейчас в моем заплечном мешке: книгу мне подарил старый пастух Улькукай из шестой оленеводческой бригады. Именно оттуда, из стойбища, мы забрали мальчонку, его внука, с подозрением на перитонит.

Стоянка находилась в ста километрах от Поселка вдалеке от дорог: перераспределение маршрутов вглубь тундры, уход от автомагистралей происходили в оленеводческих бригадах тяжело: эвены и коряки, демонстрируя редкое единодушие — обычно они между собой не ладят, — убеждали руководство сельхозпредприятия, что им делают только хуже. Но, чтобы прекратить обмен муниципальных оленей на водку, нужно было идти на крайние меры, хоть это все выглядело жалкими потугами местных властей против векового уклада кочевой жизни.

Что я делала в этой вертушке? Мне — журналисту регионального СМИ — выпала редкая командировка в самый отдаленный район Территории — туда и обратно только по воздуху. Июль был на излете, солнце отдавало северной земле последний жар и плодородную ласку, памятуя о надвигающихся осенних заморозках. Это время — лучшее для командировок на побережье, где и находится Поселок. Зимой здесь так уныло и безысходно, невольно начнешь жалеть местных: в магазинах дороговизна и сплошная просрочка, из развлечений — обветшавший Дом культуры, потолок которого в любую минуту может стать крышкой гроба для случайно зашедшего. Есть еще видавшая виды библиотека, музей, в который лет десять не ступала нога человека, не считая сонных работниц.

---

* *Bear — медведь (англ.).*

Местные жители здесь рождались, взрослели, учились в общеобразовательной и школе-интернате для детей оленеводов, достаточно рано обзаводились собственными детьми и к тридцати годам изнашивались морально и физически. Таких медвежьих углов на постсоветской Территории немало. Эти места держатся на безысходности, помноженной на энтузиазм у одних, и жажде урвать хоть какой-то кусок, прежде чем покинуть эти земли навсегда, у других. Бессребреники — патриоты и рвачи.

Мы прилетели в Поселок за пятьсот километров от Города три дня назад с губернатором и его свитой для пасторальных сюжетов, которые можно показать в местных вечерних новостях и даже отправить федералам. На мое счастье, в губернаторском вертолете было лишнее место, потому что заболел кто-то из пресс-службы, и мне поздним вечером перед полетом чуть ли не в качестве одолжения предложили «смотаться на денек-другой». Здесь я была дважды и каждый раз в холодное время года, а это девять месяцев кряду. Не хотела лететь, видит бог, но, может быть, после последних событий в жизни мне действительно надо было встряхнуться, сменить картинку.

Мы заселились в безумно дорогой, единственной на весь Поселок, да что там — целый округ, частной гостинице, больше похожей на хлев коридорного типа — такое сейчас есть по всей Трассе, кроме Города.

Вторую ночь мы коротали в Селе, что в семидесяти километрах тракторной дороги. Здесь я не была еще ни разу, хоть слышала о колоритном быте. Летом — рыбалка, зимой — подледный лов. Местный богатей с говорящей фамилией Тулькин имел больше свободы, чем иной олигарх. Тут ему никто был не указ: суд — тайга, медведь — прокурор. Вторая ночь прошла в местной школе-детсаде на составленных кроватках. Ложиться нам предложили поперек.

На третий день губернатору захотелось экзотики, будто он по парку всего-то и погулял. Тогда мы и отправились в оленеводческую бригаду посмотреть на житье-бытье, порасспросить о нуждах людей.

Пастухи, их жены и дети старались как могли: накрыли стол с оленьим языком, кровяным супом, шариками из фарша, именно теми, которые гостеприимные хозяйки готовят путем пережевывания оленины и скатки тугих комочков, соленой рыбой, настоящей северной ухой. В общем, чем богаты.

Губернатор оглядел тундру, пряча глаза от немилосердного ветра, сунул руки в брюки, которые здесь были как «Армани» в коровнике, резюмировал, что все будет, вот руки дойдут, и обязательно будет, милостиво принял в дар малахай из натурального меха, который стоил в Городе не меньше пятнадцати тысяч рублей — ползарплаты оленевода всего, — покивал, попробовал олений язык и громко приказал возвращаться.

Да только так вышло, что глава округа с региональным министром сельского хозяйства сидели на базе уж дней пять в ожидании визита высокого гостя, подготавливали к этому вселенского масштаба событию местный электорат, чтоб не ляпнули ненароком по простоте душевной чего обидного, и сильно торопились домой, потому что похудели без коньяку и на диетической оленинке. Так что кому-то из нас нужно было остаться и подождать… санитарный рейс, который также должен был быть в этот день, но по погоде задерживался.

Кого же оставить на базе? Решение зрело секунд пятнадцать — журналистку из газеты. Без моих пятидесяти четырех килограммов их проблема решалась вполне: в вертолет таким образом помещались глава Поселка, весом не менее центнера, и сухонький, как вобла, министр, весящий никак не меньше меня. С усмешкой я представила, кто у кого будет сидеть на коленках, и, проводив вертушку тоскливым взглядом, пошла в стойбище, где мне отвели угол чума.

Более нелепой и унизительной ситуации вряд ли себе можно было представить. Великий и могучий губернатор одним словом оставил меня на неопределенный срок вдали от благ цивилизации с полудикими людьми, у которых, в случае нападения волков, нет даже ружьишка, зато наверняка припрятан не один ящик водки.

Мальчик, третий сын одного из пастухов и внук того самого Улькукая, в махровые советские годы заведовавшего Красной ярангой, лежал в дальней палатке на боку и тихо постанывал. К нему почему-то никто не подходил.

«Третий день уже мытарится», — безучастно объяснила какая-то женщина моих лет с очень плохими зубами. Ее тело было изношено родами и постоянной грубой физической работой.

Впервые за эти изнурительные трое суток, а командировки с губернатором всегда были самыми сложными из-за вечного цейтнота, я ощутила тревогу: погода в этих краях непостоянна, чуть сменится ветер — и пойдет дождь, тогда можно на неделю застрять. Додумать захватывающую мысль не удалось: над долиной застрекотала вертушка. Ми-8! Родная! Это санрейс медицины катастроф.

Встречать винтокрылую машину сбежалась вся бригада. Откуда ни возьмись появились дети: эвенчата с белыми волосами, плоды кровосмешения коренного и пришлого населения. Мужики, лениво облокотившиеся на грубо сколоченные предметы быта, сплевывали через редкие зубы и обсуждали что-то свое, надсадно и хрипло хохоча. О чем-то перешептывались женщины, для которых всякий гость был настоящим праздником в их бедной на события жизни.

Лишь только шасси коснулись мягкой поверхности, из салона выскочил усталый мужчина лет под пятьдесят в синей форменной куртке и с большим белым пластиковым чемоданом с красным крестом на крышке. Из кабины вылезли двое: первый и второй пилоты, бортмеханик показался из распахнутой задней створки. Они со вторым пилотом полностью открыли грузовые дверцы и стали сгружать какие-то ящики. Не теряя ни секунды, я подскочила к группе мужчин с воплем: «Кто здесь самый главный?» — и, когда обернулся тот самый усталый медик, бросилась уточнять, имели ли меня в виду.

Оказалось, не имели. Привезли по случаю в бригаду необходимую провизию, медикаменты и одежду по договору с правительством Территории, должны были плюс к больному кое-что забрать, а вот про девушку — ни слова. Наверное, он ломался скорее для вида, но мне пришлось, используя все краски великого и могучего, объяснить мое бедственное положение и необходимость быть в Городе как можно скорее.

С шутками о том, что молодая кровь здесь бы не помешала, но, получше разглядев меня — французский маникюр, наращенные ресницы и модную прическу, — медик решил, что дурочке гламурной подобных шуток, пожалуй, достаточно. Тут же подошел командир экипажа, мужчина с простым, суровым лицом:

— Игорич, или вылетаем через двадцать минут, или остаемся минимум до завтра: погода портится. Ветер поменялся. Как бы ливень с грозой не начался, смотри на облака!

Над долиной висел свинец из туч, который кто-то невидимой кистью слегка разбавил белым. В одном месте сине-серое небо состояло будто из камней, не воды. Командир, скорее всего, не ошибался. О том же говорил и начальник бригады: можем не проскочить, хоть идти будем в противоположном направлении.

— Я готова! — перекрикнула я порыв ветра неожиданно бравурно и залихватски, хоть никто не оценил ни улыбки, ни щенячьего восторга: для них все, здесь происходящее, — просто работа, и дурочка-журналистка из Города — ее часть, судя по их лицам, не самая приятная.

— Полезешь последняя, — отодвинул меня рукой от створ второй пилот, еще более неразговорчивый и угрюмый, чем первый, — сначала груз и больной.

Стало обидно, где-то в носоглотке противно заворочался колючий комок давно собравшихся невыплаканных слез. Сказывались дни лишений, изнурительные дни, когда человек сам себе не принадлежит.

«Ну слава богу, вспомнили!» — злорадно подумала я, наблюдая, как медик несет на руках из дальней яранги скрюченного мальчишку, весом с новорожденного олененка. А то у меня уже начало складываться впечатление, что о нем все забыли, все, даже мать. Он, робкий и бледный, долго сидел на бревне, укутанный в какое-то старое безразмерное тряпье. Взгляд глаз-семечек застыл где-то на уровне метра над землей. Если б я не опровергала всю эту чушь, поклялась бы, что он общался с духами. Губы его, бледные и растрескавшиеся, едва шевелились, будто он силился что-то вымолвить, но не мог. Наверное, от боли и температуры мальчик просто бредил.

— Определим его в больницу, — давал врач разъяснения матери. — Будет, кому в Городе за ним присмотреть?

— Буди, буди, — кивала как болванчик маленькая сухая женщина неопределенного возраста, нестарая, но морщинистая, никогда не знавшая ни крема, ни хорошего шампуня.

— Ага, ага, я сисре позвоню, она пириглядит.

На этом врач посчитал работу с родственниками оконченной. Мальца положили на носилки, привязали ремнями, чтоб не выпал и погрузили на пол вертолета прямо между коробок. Врач и фельдшер сели с одного борта на деревянную, обитую дерматином лавку. Мне командир экипажа кивнул на место напротив.

— У прохода. И туалет недалеко, — ляпнула, прежде чем подумала.

Мужик хмыкнул и, убрав аппарель, закрыл створки. Через минуту вертолет, взвыв мотором и разрезая пластилин туч лопастями, окунулся в северное немилосердное небо.

За свою жизнь я летала в вертушке всего несколько раз, и это было связано с работой. Всегда только с ней. Иногда вертолет убаюкивает, особенно после длительной продуктивной работы, которую предстоит облечь в слова, предложения, газетные тексты. Ты удовлетворен, расслаблен, полудремлешь, если уже насмотрелся в иллюминатор, и ждешь скорого приземления.

…Двигатель перешел с «ля» на «до» следующей октавы. Мне это показалось странным, потому что у меня музыкальный слух и логическим мышлением не обделена: если раньше этого звука не было, то с чего бы ему взяться теперь? Нас тряхнуло, да так, что коробки полетели по салону, чудом не убив меня, так «удачно» сидящую прямо по их траектории. Врач, фельдшер и бортмеханик едва успели уберечь голову маленького пациента от неизбежной встречи с деревянным ящиком. Но затишье было недолгим. Нас бросило в бок, и к высокому звуку прибавился иной: металлический, скрежещущий.

— Тяга, тяга! Рулевая отказала, — услышала я сквозь адский шум. Почему-то я сразу поняла, что нам крышка.

Секундой позже, когда машина пошла на рискованный вираж и счет разлетевшимся коробкам никто уже не вел, мужчины, сами державшиеся вертикально с трудом, все еще пытались уберечь ребенка от погибели под этими эверестами из грубо оструганных досок, устраивать которые по технике безопасности рядом с больным наверняка было запрещено.

Какой-то ящик пролетел в паре миллиметров от моего лица, ударившись о задние створки. Они неожиданно распахнулись фактически у моих ног, и земля, зелено-бело-серая, завертелась где-то метрах в тридцати внизу. Создавалось ощущение, что мне снова семнадцать и в городском парке только открыли тошнотворную карусель под названием «Хип-хоп», после которой вырвало бы и космонавта.

Спиной меня швырнуло сначала на иллюминаторы, потом отбросило на место, где секундой ранее сидел фельдшер, теперь цеплявшийся за груду всякого хлама в противоположной стороне. Все это больше смахивало на родео, где бравые тореадоры пытались удержаться на брыкающихся быках.

Я старалась ухватиться хоть за что-то, рюкзак тянул за собой, но смягчал каждый удар, что я получала при витках, которые нанизывал, как петли на спицу, наш летающий убийца. Мне даже не было страшно: происходящее становилось похожим скорее на безбашенный аттракцион, на голливудское кино, чем на привычную жизнь, где все известно на месяцы, а то и годы вперед.

Я все еще пыталась за что-то держаться, но машина, выкинув очередной финт, неожиданно резко накренилась задней частью к земле, и я, холодея от ужаса, поняла, что сейчас вывалюсь из распахнутых и хлябающих от каждого движения створок.

«Уиу-уиу-уиу» — пропел винт, с каждым оборотом крутясь все медленнее и обреченнее. Это я увидела уже в полете, как и чернеющее нутро винтокрылой машины где-то над собой, и собственные ноги, обутые в туристические ботинки, купленные накануне с бешеной скидкой, но маленькие на полразмера. Инстинктивно я еще пыталась уцепиться хоть за что-то, но ловила лишь воздух, ощущая ни с чем не сравнимое свободное падение. А потом наступила чернота. И тишина.

...Приоткрыв глаза, я поморщилась от боли во всем теле. Хотелось перевернуться, как я делала всякий раз утром, вытягиваясь вдоль стены, даже немного выгибаясь и утыкаясь коленом в подушку, что всегда лежала сбоку на такой случай. Это был мой ежеутренний ритуал уже много лет подряд.

Зябко. И никак не пошевелиться. Будто форточка настежь и — мало мне сквозняка — хлопает об откос при каждом порыве ветра. А ветер воет. Точно к дождю.

С трудом я разомкнула тяжелые веки. Надо мной вместо привычного белого глянцевого потолка, в который я сама себе каждое утро улыбалась и корчила рожи, небо. Серое, бездонное, словно прикинутое на листе простым карандашом, неживое…

В первые секунды я все никак не могла взять в толк, какой сегодня день, и в связи с чем я оказалась в лесу, пока как удар молнии меня не прошило воспоминание. Вернее, сначала это был лишь звук: «Уиу-уиу», а потом перепуганные глаза фельдшера и врача, когда я… Я, что?! Это не приснилось мне? Разве так вообще бывает?!? Я, правда… вывалилась из падающего вертолета?

Руки затряслись, по телу прокатился сначала жар, потом озноб и сильно скрутило живот, аж до рвоты. Этого просто не может быть!

Болело где-то в районе поясницы, но шевелиться я могла. Чуть покрутив головой, поняла, что лежу на большом разлапистом стланике, причем зацепилась за ветки чем-то сзади, да крепко, сильно не пошевелишься. Я не знала, о чем думать, все смешалось, как будто в одну тарелку свалили первое, второе, третье и компот.

Я ранена? Жива вообще? Это сон или… Или так в самом начале выглядит загробная жизнь? Потому что если да, то для бесплотного духа я уж сильно мучаюсь физическими ощущениями, начиная от боли в спине и руке, заканчивая муторной тошнотой и еще кое-каким желанием.

Если я все же жива, то цел ли мой позвоночник? А если цел, как там все остальное, например ноги? У меня они не самые в мире выдающиеся, но все-таки единственные, хотелось бы пользоваться ими подольше. А я вообще где? И где остальные, например серьезный фельдшер с красивым лицом или пухленький бортмеханик? А мальчик... Несчастный сын и внук оленеводов с перитонитом. Где же он? Вдруг я оглянусь, а они все здесь, рядом, совсем мертвые?.. Я же до ужаса боюсь мертвецов!

Встать получилось не сразу, ветки держали очень крепко: похоже, зацепилась рюкзаком. Только спустя пару минут тщетных попыток, — наверное, я была похожа на черепаху, лежащую на панцире и еле-еле шевелящую лапами, — кое-как смогла расстегнуть лямки на груди, поясе и с усилием и резкой болью вытащила сначала одну руку, вторая пошла значительно легче. Все-таки рука. В голове постоянно гудело по нарастающей, справа очень болела шея и даже на сантиметр не приподнималась одна рука, а поясница просто разламывалась, будто на нее мамонт наступил.

Мне все-таки удалось сползти с куста — довольно высокого, метра два над землей, разлапистого и густого, — и одной рукой снять заплечный мешок, надорванный в трех местах, но все же, как и обещал производитель, не утративший своих качеств.

Ноги утопали в мягком мхе, напитавшемся влагой, над головой чирикали птички, вокруг разливалась упоительная тишина и вечерняя благость. Да и вид мне открылся, шикарнее которого я еще никогда не наблюдала ни в одном из походов. Все было прекрасно и первозданно, кроме того, что где-то здесь должен валяться искореженный вертолет. А находилась я почти на краю сопки, неожиданно обрывавшейся скальником и рассыпавшимися почти у подножья стлаником и лиственницами. Между ними тек бурливый горный ручей, впадавший в озеро, как в чаше уютно расположившееся в низине между четырьмя сопками.

Сколько ни напрягала зрение в этот вечерний час, а белые ночи уже сменялись обычными, я не могла разглядеть следов упавшей вертушки — ни поломанных ветвей, ни следа на камнях, ни даже дыма. Наши северные дороги, например, тем и опасны, что сорвавшаяся с перевала машина вмиг теряется между деревьями, которые сходятся будто ничем и не потревоженные. А уж если катастрофа случилась в глуши, которой на Территории девяносто процентов, то пострадавшего просто невозможно найти. Например, меня, лиственничную иголку?

То, что вертолет упал, у меня не вызывало сомнений. Вопрос был только, где: в этой долине или за одной из сопок. Природа выглядела совершенно нетронутой и дикой. Более того, я чувствовала здесь себя словно в павильоне, где снимают приключенческое кино.

Что-то внутри заходило ходуном. Пришлось опуститься на колени, потому что ноги стали словно ватными, тряслись и совсем не держали. Чтобы унять сердцебиение и головокружение, вперемешку с тошнотой и пульсацией в висках, я почти достала лбом землю и на некоторое время замерла в позе молящегося мусульманина.

У меня, как почти у многих северян во втором-третьем поколении, проблемы с сосудами. Врачи называют это вегетососудистой дистонией, но ведь официально такой болезни нет — есть совокупность симптомов, которые вмиг навалились на меня неожиданно и со всей беспощадностью. Потемнело в глазах, и я в позе эмбриона завалилась на подушку из мягкого мха, закрыла глаза, пытаясь принять ситуацию как реальность, а не навязчивое видение. Лицо ласкал ветер, несущий холод с Севера. Что же мне теперь делать?! Я же здесь погибну! Это лишь вопрос времени и везения. А на последнее я, памятуя о событиях последнего полугода, не очень-то могла понадеяться.

Слезы полились сами собой. Это помогло, как если выпустить пар из скороварки: давление понижается и сразу становится легче. Я плакала и плакала, пока не намок воротник мастерки.

Плечо болело очень сильно, отпали последние сомнения в переломе: правая рука просто висела плетью. Но не это беспокоило меня: до остановки дыхания, до дрожи и озноба убивала мысль о том, что я совершенно одна на сотни километров, если не считать медведей, лис, волков, росомах, рысей и прочих хищников, которые рано или поздно выйдут на меня — безоружную, голодную и обессилевшую.

Я завыла в голос, кусая кулак и пытаясь унять надвигающуюся истерику. На полигоне меня можно было бы использовать вместо виброгрохота для промывки золотоносных песков, такой бил озноб. Как я здесь выживу, если за всю свою жизнь ночевала на природе в осознанном возрасте два раза — с палаткой, матрасом, пледами, костром и горячим чаем? Да и то, почти не спала вплоть до возвращения в теплую квартиру с горячей ванной и мягкой двуспальной кроватью. От этой мысли мне стало еще хуже, и, почти ничего не соображая, я села, словно проснулась от кошмара, и… заорала во всю глотку в беспощадное, равнодушное, бездонное небо.

Только благодаря силе воли и вполне трезвой мысли мне удалось перестать вопить. Припомнила те правила поведения в лесу, которые нам вдалбливают с начальной школы, вряд ли они действуют в отношении зверей, никогда не встречавшихся с человеком. Нам говорили, и мы твердили это как роботы, что, если ты в лесу, никогда не ходи молча, потому что в этом случае зверь может испугаться неожиданной встречи и напасть из соображений самозащиты.

Для медведя, например, твердили мне уже в университете на курсе ОБЖ, человек — не еда, косолапый старается избегать столкновений с нами. И возле Города это действительно почти всегда так и есть. Хотя этим летом медведи лезли людям на дачные участки и валялись на грядках, жрали собак, пристегнутых на цепь, и даже совались людям в окна. Потому что хищник — это хищник, и ему плевать на любую теорию.

Так вот. Орать в этом лесу, твердило мне что-то внутри, не стоит, потому что звери, ни разу не встречавшие человека, могут прийти на незнакомый звук. А так, если здесь нет какой-то особенной кормовой базы, они лишний раз не сунутся, только если какой-нибудь хищник случайно пройдет.

Сумрак смыкался над долиной, ветер становился суровее, и мне нужно было что-то решать с ночлегом. Можно, конечно, сидеть на обрыве и выть, но так ведь досидишься до беды.

Сосенки шумели, где-то ухала сова, копошились в кустах евражки, потревоженные присутствием необычного гостя, наперебой голосили кедровки, наблюдающие за мной с веток, — сначала одна, потом две, три, десять — устроили целый базар.

Пока было еще довольно сносно видно окрестности, я, подхватив здоровой рукой рюкзак и повесив его на левое плечо, пошла искать место, где можно было бы переждать до утра. Мне нужно было найти какую-нибудь расщелину между камнями или отвесную стену, которая прикроет тыл. И я скоро нашла, что искала: два огромных валуна примыкали к сопке, образовав малюсенькую пещеру, даже скорее углубление, со входом, но без крыши. Я предчувствовала, что ночью начнется дождь, и, превозмогая страх, нет, даже ужас, готовилась к самому суровому за всю свою жизнь испытанию — неожиданной необходимости бороться за собственную жизнь, чудом не отнятую катастрофой, выживая в дикой природе.

Наконец я решила обозреть содержимое рюкзака, что в нем все-таки есть. Смена белья. Очень хорошо. Правда, кружева от «Викториас сикрет» были здесь не уместнее двух масок для лица — увлажняющей и питательной, дневного и ночного кремов «Диор», гиалуронки во флаконе с шариковым дозатором, отлитых в специальные баночки по сто миллилитров шампуня, маски и филлера для волос, умывалки с мелким скрабирующим эффектом корейского производства, селективного парфюма «Ядовитый поцелуй» от «Экс Нихилло», гигиенички «Кларанс», щеточки для наращенных ресниц, полирующей пилочки для матового гель-лака, ножниц и масла для кутикулы, геля для душа, поролоновой мочалки в виде розового персика с зеленым листочком, а также круглой расчески для укладки и массажки. Еще в плоском кармане большого отделения лежали футболка с шортами, в которых я спала дома и в командировках, сменные носки и верх от купальника.

Кроме того, если этого мне вдруг показалось бы мало, в отдельном футляре в маленькой косметичке хранились: зубная щетка со специальным угольным напылением, дорожная зубная паста с ионами серебра, антибактериальный спрей, репеллент от комаров, мошек и прочих насекомых, блеск для губ, две таблетки цитрамона, один жутко невкусный леденец «Бобс», предназначенный на случай удушающего кашля, полпачки жвачки со вкусом арбуза, тампон, витая пластиковая резинка, не заламывающая волосы, и икона Николая Чудотворца. Я чуть заново не зарыдала, представив, что для встречи с медведем буду хоть куда: хоть сразу жри, а можно и под корягу — про запас.

Что же я, дура раненая, не взяла то, что действительно может спасти мне жизнь?! Ну ладно, селективом я вместо перцовки смогу брызнуть в морду хищнику, а как меня спасет щеточка для ресниц, антибактериальный спрей и маска для чувствительной кожи?! Можно не волноваться только по поводу одного: умру я такой же красивой, какой и жила.

Слезы все текли, прерываемые истерическими всхлипами, а я судорожно заглядывала в другие кармашки, чтобы оценить во всей полноте размер катастрофы, которая для меня с крушением вертолета только началась. Здесь также оказалось четыре больших пакета и три маленьких, небольшой моток веревки, оставшийся от походов, полупустой термос с чаем, пять чайных пакетиков, банка тушенки, три хлебца, десять конфет «Москвичка», упаковка пластинок сыра и маленькая пачечка «Миндаль Иваныча» — орешков в шоколаде, всего пятьдесят граммов. Мне стало горько, ведь обычно я уплетала столько за один присест, и впервые за эти несколько часов я оценила и сопоставила шансы выжить и умереть.

Ко всему прочему, я нигде не могла найти свой телефон. Вероятнее всего, копошилась в нем за несколько минут до крушения и просто выронила. А еще пропал пакет, в котором была теплая кофта, штаны на сменку и запасные кроссовки. По-моему, именно туда я впопыхах сунула еще в Поселке свой паспорт и командировочный лист, который отметила в гостинице. Так что сейчас на мне туристические ботинки, которые жмут, потому что меньше на полразмера, зато с боковыми зацепами на подошве (вот почему я взяла на смену легенькие, если ноги натрет), тонюсенькие спортивные носки, обтягивающие черные брюки с множеством кокетливых строчек и с заниженной талией, майка, мастерка, ветровка и жилет. Слава богу, на стоянке оленеводов было холодно и я надела почти все, что смогла.

Со мной не было дагестанского обоюдоострого ножа в кожаном чехле, из-за которого Алка прозвала меня Мадам Тесак, потому что каждый наш поход в лес начинался с того, что я обнажала свое оружие, висящее на ремне, и комично кралась к кустам, чтобы пырнуть невидимого врага ну или хотя бы безнадзорную собаку.

Алка… Она теперь в Москве. Уехала на родину, к родителям, бабушкам-дедушкам. Как незаметно посторонний человек может вкрасться в нас, поселиться, а когда придет пора уходить, оставить такую глубокую трещину, словно сорванный с камней мох, который очень долго не нарастет. Алка больше не разделит со мной восторг ежедневных открытий, не подхватит мою шутку, не закончит известную только нам двоим фразу…

А моя мама… Впервые я подумала о маме — дорогом и родном человеке, который не переживет вести о моей смерти. Мамочка… Ты всегда говорила, что лучше умереть, чем узнать, что твоего ребенка больше нет. Она просила меня не соваться в лес, когда Интернет заполонили ролики о медведях, была против покатушек на мотоциклах, переживала, когда мы уезжали на велосипедах далеко за город, и всегда звонила вечером после горнолыжки — узнать, не получила ли я очередное сотрясение.

«Своей смертью не помрешь», — вздыхала она, когда я «кололась», что опять что-то поранила или вывихнула, и прибавляла: «Вся в отца». Но его уже давно нет с нами… Что же будет с мамой, когда ей скажут, что вертолет пропал с радаров? А если его обнаружат, а в нем мои вещи… Она просто ляжет и перестанет дышать. Младшая дочь, вопреки ее воле решившая остаться на Территории и сгинувшая в лесотундре, подпишет для нее смертный приговор. Мне просто необходимо выжить и сообщить ей, что рано помирать, что я еще здесь, на этой планете, и все так же люблю ее. Нет, теперь даже больше.

Я снова плакала, но теперь очень тихо и безутешно. Мне нужно было подвязать руку, а часть веревки использовать на создание тента над камнями — только это убережет меня от дождя. Когда весь рюкзак на три раза был перетряхнут, меня ждал самый главный сюрприз: зажигалка, газа в которой было крайне мало, но он все же был! Я не курила, но откуда-то она тут взялась; по-моему, ее дал кто-то из встреченных туристов, когда мы отдыхали на берегу моря. Теперь это мое главное богатство. Потому что, если я не смогу развести костер, мне тут хана. Огонь не только согреет меня, но и отпугнет диких животных. Во всяком случае, так должно быть.

Изготавливать тент впотьмах, да еще и одной рукой, было проблематично, но это отвлекало от суровой неизбежности моей дальнейшей судьбы: ночевки под открытым небом. Когда два пакета — больше не потребовалось — были достаточно плотно натянуты, на землю упали первые тяжелые капли дождя, и я забегала как оглашенная, потому что еще и не приступила к заготовке сушняка для костра. Мне везло, если можно так выразиться, потому что я очутилась на месте старого горельника, которому было лет тридцать-сорок, не меньше. Это говорило о том, что где-то в этих краях, возможно, было человеческое жилище. Или ни о чем не говорило, я уж и не знала. Голова болела от падения и тягостных мыслей, от множества простых бытовых задач, каждая из которых ставила меня в тупик.

Я, как могла, быстро пробежалась окрест и в пару приемов нанесла под навес мертвых веток, которых мне должно было хватить на несколько часов, если экономить. Сучки и тонкие прутики я использовала для розжига. Подпалить удалось не сразу, но как только занялось робкое пламя, я ощутила почти домашний уют и первый прилив если не счастья, то подобия удовлетворения. Хоть на что-то еще способна.

Костер разгорался все смелее на краю навеса, благо дождь шел прямой как палка. Я сняла часть одежды для просушки и даже не побоялась временно остаться без туристических ботинок. Только сняв их, почувствовала, как сильно натерла ноги. Вот что значит новая обувь — бестолковая и очень дорогая. Если ступни не обвыкнутся, я просто не смогу идти: к левой пятке прилип пропитанный сукровицей носок — лопнула мозоль. А еще пекло и в районе мизинца. Надо что-то придумать. Цитрамоном, что ли, натереть… Да нет же, балда, сбрызнуть антибактериальным спреем. Хотя его осталось чуть-чуть. Можно и поберечь.

От переживаний и излишка адреналина меня сильно клонило в сон, но мысль о том, что в час, когда я буду беззащитна во младенческом сне, на поляну выйдет дикий зверь и сожрет меня, действовала ободряюще, и я лишь клевала носом, отключалась на считанные минуты, привалившись на валун, куда примостила рюкзак.

Не пойму, наяву или во сне мне приходили какие-то звуки. Я открывала глаза, всматриваясь во мглу и вслушиваясь в ветер, треск и шорох, и не понимала, действительно ли к моему укрытию кто-то крадется — тихо и настойчиво на мягких лапах по мху и траве — или нервы, натянутые скрипичной ми, резонируют от каждого шороха, превращая его в грохот. Тогда я подкидывала к тлеющим углям полешку и закрывала глаза, полностью, пусть и ненадолго, обращаясь в слух.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Так незаметно на долину опустился рассвет, кроткий и нерешительный, как молодой любовник пред умудренной опытом дамой. Каждый раз, раскрывая глаза, я с секунду приходила в себя, вспоминая, какой сегодня день, где я и не пора ли мне на работу. Потом реальность наваливалась во всей беспощадной полноте, и пока сон был сильнее, я отключалась.

Но с растущей зарей он развеялся, и я стала ворочаться, озябнув и трясясь, как бывает, когда встаешь непомерно рано, потирая затекший бок и не чувствуя больной руки-плети, подвязанной шпагатинкой под прямым углом. Хотелось пить, есть, согреться, вытянуть ноги, помыться и вычистить зубы. Но многое из желаемого было невыполнимо.

Перед ночевкой я выпила пару глотков остывшего чая с имбирем — от этой роскоши скоро не останется и следа — и теперь раздумывала, как лучше поступить: допить чай и отправиться к истоку ключа, который неизвестно откуда бьет, чтобы пополнить запас воды, или для начала взбодрить костер. Я предпочла активную разведку. Тем более оставлять огонь без присмотра посчитала недопустимым: если в лесу начнется пожар, мне уже точно не спастись — от ветра пламя распространяется с такой скоростью, что и не убежишь. Особенно с натертыми ногами и недвижимой рукой.

Идти пришлось с полчаса, пока ручеек не оказался под моими ногами, но значительно ниже. К нему вел сыпун из скатившихся камней, а ноги мои, обутые в мучительные кандалы, страдали даже от щадящего передвижения. Пришлось разуться и начать опасный спуск босиком.

Много ли вы видели городских жителей, бегающих на природе подобно индейцам? Я пробовала обходиться на побережье без обуви и ходить так по гальке, но каждый нейрон головного мозга приходил от этого в неистовство. Сейчас же мой выбор обусловила суровая необходимость с наименьшими потерями совершить первую вылазку в огромный дикий мир, куда я по року судьбы была внедрена.

То, что это оказалось плохой идеей, до меня дошло после шагов двадцати, когда, наступив на один камень, я получила им по другой ноге. И это было только начало. Пришлось вернуться, сильно хромая и наблюдая, как на ступне зреет синяк, обуться через силу и продолжить путь. Большие пальцы с отросшими ногтями, которые украшал французский маникюр со стразами, больно упирались в усиленный мыс кроссовок, и я каждую секунду, получая импульс в головной мозг, жалела, что не сходила на педикюр, потому что выпала эта дурацкая неожиданная командировка. Теперь в столь экстремальных условиях их хоть камнем пили, ножнички для кутикулы здесь точно не помогут.

Идти пришлось довольно долго и изнурительно, пока я не услышала призрачное журчание. Еще через какое-то время нашла более или менее пригодное для банных процедур местечко: небольшую заводь между камнями и примерно полуметровый водопадик. В заплечный мешок я опустила все самое необходимое и с жадностью приступила к омовению в ледяной воде. Я даже рискнула воспользоваться умывалкой, мочалкой и гелем для душа, но кожа, химию с которой без теплой воды было смыть не так просто, обсохнув на ветерке, стала зудеть, так что мне пришлось трижды перемыться, трясясь от холода: температура воды была никак не выше градусов десяти.

Я сразу вспомнила отключение горячего водоснабжения, которое и проводило меня в эту поездку. Я улетела в Поселок в воскресенье, в день, когда, по идее, горячая вода должна была поступить в краны, и так и не успела ею насладиться. В Поселке воды не было целое лето, чем местных жителей было уже давно не удивить.

В последний раз я мыла голову в субботу, сегодня среда. Как только я произвела в уме подсчет, где-то в районе макушки сильно зачесалось. И сколько я так прохожу: немытая, нечесаная, заскорузлая и голодная? Только яркое приветливое солнце не давало вновь, как вчера вечером, погрузиться в беспробудный мрак жалости к себе и безрадостные прогнозы на ближайшее будущее. Я должна все перемочь, как-то выстоять! Это не обсуждается!!!

Я все-таки допила свой чай, прямо у ключа, вымыла стеклянную колбу, памятуя о том, что с нею нужно обращаться осторожно, и заполнила термос студеной водой, чтобы иметь ее запас до следующего неблизкого путешествия в это ущелье. Сейчас мне следовало принять ряд стратегических решений, которые повлияют на успех всего предприятия по собственному спасению. Со всей ответственностью, собрав в кулак волю, помноженную на отчаяние и желание жить, знания, опыт, зрительную память и логическое мышление, я должна была определить свое местоположение и степень отдаленности от населенных пунктов, а также спланировать дальнейшие действия, просчитывая все возможные варианты развития событий и длительность пребывания наедине с собой.

Делая каждый последующий шаг по окатышам, которые так и сыпались вниз, сбивая дыхание и лишая равновесия, я продумывала, как лучше повести себя дальше с учетом погодных условий, приближающихся первых заморозков, наличия продуктов и естественных рисков оказаться без огня, воды, а также вероятную возможность встречи с дикими животными.

Не раз с восхищением я писала в газете о путешественниках, решавшихся на опасные одиночные маршруты по Территории. Но они имели с собой гораздо больше предметов первой необходимости, были морально готовы к лишениям и, как правило, заручались поддержкой сподвижников и специализированных служб. Они, так или иначе, посредством соцсетей и мессенджеров выходили на связь и давали о себе знать. Я же потеряла телефон, который здесь наверняка пригоден только для прихлопывания комаров. Обо мне не знает прогрессивная общественность и МЧС, и, когда приступят к поискам упавшего вертолета, мне также неведомо.

Еще перед вылетом в Поселок я просмотрела погоду на ближайшие шесть дней. И там, и в Городе обещали ливни. Таким образом, наше управление МЧС уже заготовило релиз, что поиски в обозначенном квадрате начнутся не раньше, чем установится благоприятная погода, потому что вертолет из Города по-другому просто не вылетит. А начальник службы, подписав это сообщение к опубликованию, уткнется в очередной карандашный набросок. Еще тогда закралась робонькая мысль, что с такими защитниками Отечества не приведи господь оказаться в чрезвычайной ситуации — и на тебе.

Так что на данный момент шансы мои увидеть в небе вертолет с надписью «МЧС России» такие же, как обнаружить под своим навесом Джейсона Стэтхема в ковбойской шляпе и со «Смитом и Вессоном» в трусах.

Когда я вернулась к месту ночевки, в моем «домике» кто-то покопался. Я была больше чем уверена, что это евражки — по-научному беринги йские суслики, ну, или, может быть, бурундуки — северные белки. Кто бы то ни был, у меня утащили гигиеничку от «Кларанс» из открытого отдела рюкзака: все остальное там было большего размера. Это же вообще охренеть можно: меня обворовывают в богом забытом месте… грызуны. Рядом на камне валялось полным-полно шелухи от прошлогодних шишек, ведь нынешний урожай еще не поспел. Скорее всего, я оказалась на продуктовом складе: вчера сквозь отчаяние и сонливость слышала свист и тоненький крик: так один из этих зверьков трубит об опасности. И происходит это, если неприятель подбирается близко к жилищу или запасам.

Расшурудив обгорелой корягой кострище, которое едва дымилось, я старалась выработать план, как мне действовать в частности и в общем. Как правильно распределить запасы и уберечь вещи от зверей и непогоды. И еще, что мне делать дальше.

Судя по карте в моей голове (а я питаю некоторую страсть к географии, люблю изучать всякие схемы), я нахожусь примерно в сотне километров от побережья, если двигаться четко на юг. Но Город-то находится на Юго-Западе. Идти туда километров двести пятьдесят или около трехсот, где-то так. Это если по прямой, а с учетом сложного рельефа, рек и ручьев, вершин…

Лучше б я об этом не думала! Слезы хлынули сплошным потоком, буквально в три ручья. К тому же меня замутило, все внутри скрутило в тугой узел. То, что еще каких-то полчаса назад казалось веселым и необычным приключением, навалилось с новой силой вместе с отчаянием. Может быть, к лучшему, что я не знаю своего точного местоположения, потому что если я нахожусь дальше, чем думаю, то остается просто лечь и умереть.

Я вновь разложила перед собой еду и крепко задумалась, ощущая изменения в атмосфере по пению птиц и какому-то напряжению. Не зря с утра так парит: небо за считанные минуты залило свинцом из облаков. Вот-вот ливанет! Прежде чем подсчитывать запасы, мне срочно нужно набрать сушняка!

Подхватившись, я снова заметалась по плато, радуясь, что невдалеке есть дрова, что место достаточно открытое, чтобы просматривать окрестности метров на сто, что есть эти камни, между которыми я, пусть и вынужденно, разбила лагерь, что я не на одной из сопок, куда мы как-то ходили большим составом малознакомых людей, где были камни и больше ничего.

Меня все-таки трудно назвать пессимисткой. Другая бы впала в кому от одной мысли, что нужно не просто жить в лесу, а в прямом смысле выживать без маломальски необходимых вещей, а я вот даже иногда смеюсь и позволяю себе всякие успокоительные мысли, что, например, мне хватит пищи, а если нет, я смогу ее как-то — пока не знаю, как именно — раздобыть. Что я смогу выйти к людям. Или что меня спасут еще здесь, по последним следам, что оставил вертолет перед тем, как куда-то деться.

Чем больше я с невероятной болью и ужасом обдумывала вероятное крушение, тем сильнее укреплялась в мысли, что винтокрылая машина и четыре человека на ее борту сейчас покоятся в том самом озере в чаше между сопками, куда впадает мой спасительный ручеек. В противном случае я бы обнаружила хоть какие-то следы, а еще вероятнее, был бы дым или даже огонь, потому что в вертолете находилось топливо и при столкновении с землей оно наверняка бы воспламенилось. Если этого не произошло — значит, он потонул. Или упал настолько далеко, а я ведь сейчас пусть не на самой высокой, но все же вершине, что мне отсюда и не видать. В любом случае увидеть живыми людей, с которыми я вылетала из стойбища, теперь вряд ли удастся. Да и меня, скорее всего, считают погибшей, хоть еще никого и не искали.

Дождь уже ронял на землю первые печальные капли — тяжелые и какие-то звонкие. Это подгоняло меня лучше любой палки. Под навесом уже скопилось какое-то количество дров, но мне нужно было еще, потому что затяжной дождь в это время, да еще и с ветром, резко понижает температуру, тем паче в горах. А у меня нет достаточно теплой одежды и калорийной еды, кроме банки тушенки, которой надолго не хватит.

Под навес я забиралась порядком промокнув. Пришлось пожертвовать одним большим пакетом и двумя маленькими, чтобы соорудить нечто вроде занавесок, потому что дождь был косым и лупил не прямо между камнями, но залетало на

кострoвище порядочно. Оставив щель для выхода дыма, я, как смогла, облагородила место своего пребывания: чуть сместила очаг, навалила на это место веток стланика, самых тоненьких, потому что только их мне удалось оторвать, постелила жилетку, так как было еще достаточно тепло, к камню прислонила рюкзак и, разложив второй раз уже продукты, принялась их делить, делая в уме некоторые расчеты.

Я несколько раз бывала в походах и понимала, что при самом лучшем раскладе смогу покрывать в день по заданному рельефу километров тридцать. Еще нюанс: поиск ночлега. Это должно быть просматриваемое место на возвышенности, желательно у скалы или крупных камней, чтобы защитить тыл и иметь возможность укрыться от непогоды, там, где есть проточная вода, желательно питьевая. Благо на Территории таких ключиков и ручейков предостаточно — пей почти из любого, избегая крупных рек во время нереста лососей. Можно запастись дровами и оборудовать кострoвище, чтобы не спровоцировать пожар.

Поэтому берем за эталон тридцать километров в день по хорошей погоде. Получается порядка десяти дней пути. Десяти!!! Матерь божья! И это при условии, что я смогу перейти реки, которые мне сто процентов попадутся, форсировать пики или найти способ обхода, который может превратиться в огромный крюк, не приблизив меня к цели и на метр. Значит, ориентируемся на две недели.

Да, Аня, рыдать бессмысленно, просто смотри фактам в лицо и принимай действительность, какой бы она ни была. Но почему же так трясутся руки? Как вообще унять эту предательскую дрожь и хоть на какое-то время отогнать мысли о возможной скорой кончине от голода, холода или зубов хищного зверя?

Значит, так: надо поделить мои запасы на четырнадцать равных частей. Это получается, что пять пакетиков чая мне придется использовать минимум дважды каждый, банка тушенки не сможет храниться вечно, и я могу или припасти ее на случай голодного обморока, или съесть, чтобы иметь тару для кипячения воды хотя бы для того самого чая, я уж не говорю о мытье. Ладно, этот вопрос я решу чуть позже. Остается три хлебца, десять конфет «Москвичка», упаковка из пяти пластинок сыра и маленькая пачка орешков в шоколаде. Понятно, по конфете в день, когда кончатся, останутся орешки, их где-то штучек десять-двенадцать, а также по четверти хлебца и половине пластинки сыра — это часть суточной дозы.

Еды было настолько мало, что и сама не верила, что выживу, так питаясь. Конечно, я читала о жителях блокадного Ленинграда, которые спасались только тем, что делили все имеющееся съестное на малюсенькие части и подпитывали угасающий от истощения организм, как свече нужно немного кислорода для слабого горения фитилька. Сейчас пора дикоросов, и я могу есть ягоду, варить в банке грибы. Это не давало умереть зэкам в середине прошлого века, выдержу и я.

Я была настолько одновременно взвинчена и подавлена, что непрерывно думала только о еде. Так уже было когда-то в пору тотальной слежки за калориями: если лишала себя ужина, весь вечер думала, чем за это побалую себя наутро, и как-то так получалось — не хотела есть. Сэкономлю на продуктах и сейчас, какие проблемы? Пожалуй, единственная — это то, что я сидела с этими мыслями и прожигала время с калориями впустую.

Решение, нужно ли мне идти, еще окончательно не созрело. Меня мучили вполне объяснимые страхи разминуться со спасателями, которые в любом случае станут прочесывать этот район. Сразу, хоть я меньше всего этого хотела, мне вспомнились две громкие спасательные операции на реке Муксунке, которую зажравшиеся столичные туристы любили из-за экстремального сплава и сумасшедшей красоты видов. Так это при точном указании координат и облетанности маршрута. А я-то черт знает где.

Сейчас опять-таки непогода и спасательная операция может начаться еще не скоро. А хватит ли у меня продуктов, чтобы прождать здесь неделю и, поняв, что ничего так и не произойдет, найду ли я силы, чтобы все-таки начать путь к спасению? Это какая-то русская рулетка. И я не хочу испытывать судьбу, просто сидя в какой-то долине какого-то озера, ставшего, возможно, могилой для четырех человек, и ждать с моря погоды. Ведь спасение утопающих…

Весь остаток дня, а мне даже некуда было записать число и день недели, чтобы не сбиться со счета, потому что я, журналюга хренова, так привыкла к диктофону, что пренебрегла элементарными канцелярскими принадлежностями — ручкой и карандашом. Я перечитывала «Территорию», уносясь прочь от своей беды в бескрайнюю долину реки Ватап к Чинкову, Баклакову с Гуриным и моей коллеге Сергушовой — идейной советской журналистке, которая точно знает, о чем нужно писать. В какой-то момент я отвлеклась от чтива, потому что неожиданно решила оставлять зарубки маникюрными ножницами на рюкзаке, и без промедления сделав это, снова окунулась в геологию середины двадцатого века — мир суперменов и высоких нравственных идеалов.

Дождь, почти не попадая в мое укрытие, умиротворенно барабанил по кулькам, трещали полешки в костре, под моей задницей было тепло от перенесенного очага, нагретые в огне камни я подкладывала себе под ноги и поясницу. Я задремывала, роняя книгу, потом снова ее открывала и начинала с прежнего места.

Пока рядом с тобой хоть какое-то чтиво, ты не одинок, а если оно действительно интересное — ты сказочно богат. Я оценила свое сокровище только в этот момент, когда отчаяние подступало к горлу, чтобы задушить, — к концу второго дня своего бедствия.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Не помню даже, от чего я проснулась: от холода ли, голода или какого-то звука, да вот только помню, как сейчас, тень, неспешно мелькнувшую за пакетами. Что это было? Лиса? Заяц? Росомаха? Медведь? Тихо-тихо. Только легкий ветерок. Морось. И эта тень. Бесшумная и жуткая.

Я боялась дышать и, затаившись в своем хлипком убежище, ждала, что сейчас зашуршат кульки и ко мне проникнет звериное нечто, чтобы покончить со всем этим фарсом. Секунды цеплялись одна за другую, но ровным счетом ничего не происходило. Только обычные звуки живой природы и довольно темная пасмурная и холодная ночь.

Я снова перенесла костер, хоть и не хотела шевелиться, чтобы не прогнать остатки сна, в котором хоть на короткое время забывалась от навалившихся тягот. Во второй раз это оказалось даже проще и как-то привычнее. Закидав новую лежанку стлаником, я подбросила дровишек, делая с другой стороны отверстие между пакетами и камнями, чтобы создать тягу для дыма. Потом подложила под бока еще достаточно теплые камни из кострища, старые, что давно остыли, сунула в огонь и, ощущая приступ немилосердного голода, за которым неотступно следовали отчаяние и страх, закрыла глаза, безотчетно подгоняя рассвет.

Утро наступило как-то незаметно и обреченно: каменно-серое и безрадостное, как два последних дня, которые сделали меня северным Робинзоном без даже намека на верного Пятницу. Всего-то ничего прошло времени в масштабах вселенной, а чувство такое, будто ничего иного и не было: ни работы, ни увлечений, ни друзей, ни теплого жилища — ничего, только эта возвышенность над долиной с озером и бесконечная вода с небес.

Никогда еще не начинала новый день со слез, но все случается впервые. Лежа на стланике и вяло сменив холодные камни на теплые, успевшие изрядно поостыть с момента последнего подбрасывания дров в костер, я подложила левую руку под голову и уставилась в небольшую щель между пакетами, откуда видела все те же камни, мох, низенькие кустики еще не созревшей брусники и верхушки сопок вдали: одни за другими бесконечной цепочкой. Примерно в той стороне находится море — огромное и недосягаемое из-за горной гряды. Если я хочу выжить, мне придется идти туда — навстречу неизвестности и риску в любой момент погибнуть. Каждый час, что я трачу в пустопорожнем сидении, лишает меня жизненных сил и приближает конец.

Наверное, проще решиться на пешую кругосветку, сидя в шикарной квартире, чем мне на первый шаг в этом крутом маршруте. Даже мысль выбраться из своего убежища, собрать скарб в заплечный мешок и двинуть по долинам и сопкам куда-то на юго-запад была страшнее самого испепеляющего ночного кошмара, после которого до утра не унять дрожи.

Чтобы как-то отвлечься, я умылась водой из термоса, почистила зубы, нанесла крем и пошла сама с собой на компромисс: перед началом большого пути нужно как следует подкрепиться, а для этого следует открыть ножничками банку тушенки и съесть ее всю, освобождая тару для кипячения воды. После этого основная единица моих продовольственных запасов исчезнет, но назад дороги уже не будет.

Дольше уговаривать себя мне не пришлось: мысль только додумывалась, а руки уже проворно втыкали тонкие лезвия ножниц в крышку банки и ловко вспарывали ее по краю. Как только ноздрей коснулся аромат тушеного мяса, я перестала соображать и, развернув ножницы ушками, стала ломать и зачерпывать ими куски говядины, которые ловко отправляла в рот. Лишь когда половина была проглочена, я поймала себя на необходимости жевать тщательнее, чтобы сохранить чувство насыщения на подольше.

Сколько раз мы с бывшим мужем грели тушенку на костре и, всыпав туда немножко лапши, делали настоящие макароны по-флотски: минимум теста, максимум мяса и все приправлено дымком и кусочками с треском вылетевшей из открытого огня золы. Тогда мы много катались на мотоциклах с рюкзаками, палили костры, смеялись и занимались любовью. В какой момент произошла трансформация от его ласковой улыбки до фразы: «Я не могу дальше жить со стервой», я не успела понять. Где-то среди этих счастливых пяти лет затерялись страсть и нежность, взаимопонимание и восхищение, оставив лишь упреки и горечь.

Где он сейчас? С той, которую мне предпочел? В этот час они, наверное, собираются на работу и шутя толкаются на кухне. Мы часто так делали, когда вставали в одно время и спешили, опережая друг друга, приготовить завтрак, одеться и разъехаться до вечера. Наша жизнь была почти идеальной. Почти…

Если я продолжу думать о самых болезненных событиях в моей жизни, то зачем вообще куда-то идти: ляг у костра и жди смерти. Потому что жалость к себе зашевелилась ершистым комком в горле и навернулась на глаза злыми слезами. Я была достойна счастья не меньше других. Но на сегодняшний день (не берем во внимание авиакатастрофу), я осталась совершенно одна: без Алки, которая вернулась в Москву, объявив мне о своем решении за месяц до отъезда, и без Алика, того самого моего мужа, уставшего жить со стервой.

Пихай-пихай все в рюкзак и прекрати думать! Аккуратненько сложим пакеты: один к другому, плюс веревка. Сверху банку из-под тушенки, ее помою в ручье, мимо которого пойду. Там же восполню запас воды в термосе.

Да, он был прав, этот чертов Алик. Прав в том, что я за полгода превратилась в вечно брюзжащую бабу, которая уже не делала различий, за дело ругает или по

инерции, отзеркаливала неудавшийся день, сливала негатив на того, кому некуда деться от этой волны негатива. Разве справедливы мы к близким, когда отравляем их жизнь из ложных побуждений сделать совместный быт лучше с точки зрения комфорта, на самом деле убивая наши отношения?

Я сделала шаг, взваливая рюкзак на спину одной работающей рукой и неся вторую подвязанной на веревке. Вдох-выдох. Шаг, еще один. Банально, но дорогу действительно осилит идущий. Иначе не бывает великих открытий и просто сумасшедших историй, от которых мурашки по спине.

Спуск по тому же маршруту, по которому прошлым утром, еще по солнышку, я ходила умываться, стал опаснее из-за скользких камней. Но мне торопиться некуда. Сегодня я пройду столько, сколько смогу, пока не подыщу место для ночлега. Мне нужно как-то оценить силы и проработать маршрут. Делать это я буду с каждого возвышения, откуда смогу рассмотреть дальнейшие — самые короткие и подходящие для моего состояния — тропы.

Наверное, из-за недоедания, стрессов и усталости рюкзак показался мне неимоверно тяжелым. Не успев толком начать путь, я стала спотыкаться, ощущая невыносимую боль в скрюченных, набитых пальцах и то, как вскрываются мозоли, от чего ноги будто варятся в кипятке. Я вообще не чувствовала в себе сил что-то делать, не то что отправляться в длинное и невероятно опасное путешествие.

Утро дарило влажную прохладу и порывы отнюдь не летнего ветра, по-хозяйски почесывающего хребты сопок колыханием деревец. На Севере нет высоких деревьев: лиственницы, ольха, березки, в том числе и карликовые, стланик. Когда об этих широтах пишут «тайга» — это не совсем верно. Она здесь действительно есть — в поймах крупных рек. Чаще встречается лесотундра — именно в такие места я и попала. А верхушки многих сопок представляют собой сплошные камни вообще безо всякой растительности. И это для меня — наибольшая проблема.

Один раз я попала в поход на гряду каменистых сопок. Расстояние в километр мы преодолевали несколько часов из-за сыпунов и опасных обвалов. Мне не миновать подобных переходов, и это самое страшное: низинами идти очень долго и опасно: где есть вода и растительность — обитают и хищники. В этом смысле на камнях мне почти ничего не грозит, кроме несчастного случая да колоссальной потери времени и физических сил.

Во время этих нехитрых расчетов я поравнялась с тем местом, откуда сутки назад набирала воду. Нужно как следует напиться, вымыть банку, чтобы в ней можно было согревать воду, пополнить ее запасы в термосе и, не теряя больше ни минуты, двигаться.

Выдавив из тюбика немного шампуня, я намылила жестянку с бодрой коровой и надписью «Бурятмясопром», чтобы снять с нее остатки жира, но это удавалось с большим трудом из-за того, что работала я фактически одной рукой — левой, придерживая утварь правой, висящей на веревке плотно к туловищу. А еще вода была такой студеной, что пальцы мои задубели до ломоты, а банка так и осталась сальной.

Я едва смогла открутить пробку термоса: пальцы то и дело проскальзывали. Но питьевой воды себе все же набрала, после чего долго хлопала ладонью о ногу, чтобы восстановить, хоть частично, нормальное кровообращение. Не знаю, чем была обоснована моя медлительность — растерянностью, голодом или желанием отсрочить неизбежное, — но возле ручья я проторчала никак не меньше получаса, все не решаясь просто встать и пойти.

В итоге, когда все поводы были использованы, я еле поползла по ставшему еще более крутым каменистому спуску, ведущему прямехонько к озеру, и тихонько поскуливала, вздрагивая, как дети, пережившие истерику: только не плачь, не

плачь, не… Я сдохну как животное, и меня даже по-человечески не похоронят из-за глупого, самонадеянного, безрассудного авантюризма, из-за этого вечного противостояния стихиям — нежелания примириться с неизбежным и просто ждать, из-за моего идиотского упрямства!

А ноги все шли и шли. И вот я уже оказалась на берегу озера — гладь его рябилась от ветерка, и здесь, в низовье долины — а судя по растительности, находилась я все же значительно выше уровня моря — звуки были совершенно иными, как в хорошем концертном зале.

Если бы в тот момент я возвышалась непосредственно над озером, я бы увидела вертолет, лежащий на его дне, и надпись «Медицина катастроф» на его боку с белым крестом. Но ни с одной возвышенности без специальных оптических приспособлений этого не было видно, и я, даже не поежившись от близости к искореженному куску металла и мертвым людям, покоящимся внутри него, как в материнском чреве, тронула воду, отметив, какая же она не по-летнему ледяная, и пошла, не оглядываясь, в сторону дальней сопки, по самому пологому боку которой решила штурмовать подъем и там уже оценивать свои шансы.

Если бы я тогда знала, какую страшную находку чуть было не совершила, не было бы всей дальнейшей истории: я, несомненно, в истерике поплелась бы назад, спиной ощущая незримое присутствие мертвецов, заново развесила бы пакеты и, согрев чаю, принялась бы ждать помощи, которая пришла бы в любом случае — это был лишь вопрос времени и терпения, потому что по маячкам и радарам примерное место падения вертолета уже наверняка было известно спасателям. Дело оставалось за подходящей погодой.

…Безрадостный серый день — это определенно не самое подходящее начало спасительного маршрута. Если в низине, которую я преодолела примерно за час, было относительно тепло и маловетрено, то, как только я поднялась до середины не такого уж безобидного склона, мне сдуру показалось, что со стороны моря прилетели порывы, и меня мигом просквозило до костей. Спрятаться было некуда — хоть на камни ложись. Но только двигаясь, можно было не окоченеть, хотя ни о какой скорости речи уже не шло. Отдающее болью при каждом неосторожном движении плечо, невозможность опереться на руку, отекшие пальцы, как бывает во время длительного перехода и смены температур, и пока еще не смертельно, хоть и очень чувствительно натирающие туристические ботинки не давали развить хотя бы привычную для меня скорость.

Когда я вползла на хребет, дунул боковой ветер такой силы, что, оступившись, я припала на одно колено, больно им стукнувшись, и только тогда огляделась, щурясь от порывов, вызывающих слезы. За этой сопкой, робко и безотчетно надеясь на чудо, я надеялась увидеть хоть кусочек моря, пусть вдалеке, но все-таки моря. Разумеется, мне не открылось и намека на воду, только сопки, сопки и еще раз сопки — такие по-разному скроенные матушкой-природой, но одинаковые и неприступно безразличные вековые громадины в величественном северном пейзаже.

Я заорала в это безмолвие с неистовым отчаянием, аж загорелось горло. Я так долго молчала, что этот звук исторгся будто откуда-то извне, разрезав пространство и долго еще возвращаясь эхом — сначала реальным, а после звоном в моей голове. Казалось, я повторила «нет» тысячу раз, пока не поняла, что отчаяние выпивает меня досуха, и с такими темпами у меня просто не останется сил на то, чтобы идти. Я оглянулась на то место, где провела предыдущие двое суток, все еще желая превратить свое восхождение в разведку и вернуться.

Мы странно устроены: где бы ни находились, какие бы обстоятельства над нами ни властвовали, все равно упрямо избираем некую точку своим домом, чтобы

было куда стремиться, чтобы одиночество и страх хоть на миг отступали, сменяясь пусть ложным, но чувством защищенности и покоя.

То место у скалы между двумя большими камнями стало для меня в этой враждебной действительности точкой соприкосновения с домом, и я сейчас отрывала его от себя с кровью, с мясом, выдергивая последние тонкие корешки, чтобы двигаться дальше. Но все мое существо рвалось обратно, к обманчивой безопасности, в тепло и относительное безветрие. Умом я понимала, что могу обрести точно такое же укрытие в любом месте своего маршрута, но меня все равно упрямо тянуло назад. Наверное, именно из-за этого чувства мы не совершаем много героического, безумного и великого.

Я все еще плакала, идя по хребту, на спуске которого неожиданно появилась робкая растительность: мох, шикша с брусникой и несколько низеньких веточек стланика. Как природа растит живое там, где это только возможно, так и я должна быть сильной, чтобы выжить, невзирая на ветер, дождь, холод, отсутствие пищи и солнца. Я — дикая малина, проросшая в скальнике на продуваемом всеми ветрами обрыве, и я буду несгибаемой в своей ничтожно мелкой борьбе за существование.

Наклонившись, я сорвала бруснику, розовую с одной стороны и бело-зеленую с другой. Положила на язык, чувствуя горько-кислый вкус и впервые наслаждаясь им. Шикшу использовала как и в детстве: отправила горсточку в рот, разжевала, утоляя жажду, и выплюнула грубую кожуру. Конечно, сейчас мне не помешает любой источник витаминов, но после жестокого ограничения в питании и съеденной целой банки тушенки, я все еще опасалась сорвать желудок. Пока не была и очень голодна, хотя день неумолимо клонился к вечеру. Мне нужно искать привал в распадке рядом с водой.

В этом и заключался мой главный страх: проплутать до ночи и не обнаружить подходящего для ночлега места. Нередко в жизни я оказывалась в плену страхов, которые мучили меня и терзали, а когда наступали сами события, все складывалось проще, чем я даже могла себе вообразить. Но в этом моем прошлом не было и сотой доли того, что я переживала теперь. Нынешние ставки оказались значительно выше, ведь речь не шла о каком-то деле, проекте — на кону оказалась моя жизнь.

Вопреки ожиданиям, спуск оказался легче подъема: в этом месте склон был похож на типичную лесотундру с поросшими мхом большими камнями и низенькой растительностью. В таких местах обычно полно грибов. Правда, для них еще рановато.

Распадок между грядой сопок был как на ладони, но идти туда оказалось делом долгим. Когда я вошла в лесной массив, на затянутом тучами небе гуляли густые сумерки. Кедровки, потревоженные моим присутствием, расчирикались, как они умеют, на разные голоса. Не раз я фантазировала себе эту кошмарную ситуацию — ночевки в лесу. Я лежала в своей теплой постели, с книгами, пультом от телевизора, чаем и представляла, что в эту вот минуту в каком-нибудь диком лесу холодно, промозгло, воет ветер, а я неожиданно оказываюсь там, пугаясь каждого шороха.

Мы часто воображаем жуткие ситуации, в сомнительной надежде, что они никогда не произойдут. Я могла себя поздравить: один из ночных кошмаров сбывался прямо сейчас, но я почему-то уже не чувствовала ужаса в той первоначальной остроте. Охватывали беспокойство, волнение, внутренняя дрожь, неудобство — это все можно было бы гораздо короче назвать стрессом, но никак не ужасом.

На Территории в любом распадке путника ждет река или ручей. Это закон. Здесь среди зарослей разнотравья тоже журчала вода. Судя по всему, ручеек был небурный и неширокий. Но я не хотела оставаться здесь из-за диких зверей. Если на возвышенностях, где гораздо меньше растений и лучше обзор, вероятность

встречи с ними была, предположим, сто к одному, то здесь не менее чем пятьдесят на пятьдесят.

К тому же меня стали терзать комары и мошки, которых не было до этого. Здесь же, в кустах, они вились целыми облаками, жужжа и проникая в нос, глаза и уши. Нужно было перебраться через ручей и обследовать противоположный берег, менее заросший, но, бредя вдоль него, я никак не могла найти места, чтобы перейти, не замочившись. Температура была градусов тринадцать, поэтому хотелось по возможности оставаться сухой.

Как будто услышав мои мысли, кто-то там наверху лениво приоткрыл кран, и с неба упали первые тяжелые капли дождя. Я горько рассмеялась и, не выбирая больше, разбежалась и прыгнула через ручей, но не рассчитала веса рюкзака и того, что берег снизу может быть подмыт. Левой ногой я сумела встать дальше, а правая провалилась и оказалась в воде выше щиколотки. Ботинок мигом наполнился и противно зачавкал.

С трудом я выбралась на берег и, оценивая рельеф под бомбардировкой капель, увидела единственное более или менее удачное место: старую лиственницу, от ветра кривую и наклонившую ветви низенько над мшистой подушкой и камнями. Если мне удастся еще понатаскать веток, повесить свои кульки, то я смогу переночевать в относительном комфорте.

Кинув рюкзак под дерево и забыв о дожде, я забегала взад-вперед, обламывая сушняк, терзая еще живые ветки стланика, достаточно тонкие, чтоб их можно было оторвать без применения ножа. «О мой прекрасный тесак, на кого ж ты меня покинул!»

Через полчаса лиственница стала похожа на шалаш, внутри обтянутый полиэтиленом, там же я выложила костровище из камней, приберегла еще несколько для собственного обогрева, натаскала сухих дров, раскурочив какое-то мертвое дерево, и принялась за растопку.

Поднялся ветер, несшийся по долине вдоль ручья и задевавший меня вскользь, огибая. Я чиркала зажигалкой раз двадцать, прежде чем пламя занялось. Если я останусь без огня, то мне точно конец.

Эта простая мысль, которая раньше не приходила мне в голову, буквально вышибла из мнимого равновесия. Глядя на зажигалку, лежащую передо мной на камне, я была близка к панике. Удивительно, какое значение для нас в такие моменты приобретают пустячные предметы быта. Кто бы мог подумать, что для меня, бросившей курить много лет назад, делом жизни и смерти станет сохранение последних капель газа и кремня в зажигалке.

Огонь разгорался не торопясь, лениво и сонно, но в моем убежище стало немножко теплее. Я смотрела на этот маленький оранжевый язычок, постепенно теряя силы.

Сегодня удалось пройти совсем немного, если считать по прямой, может быть километров пять-шесть, но начало положено и, как ни крути, завтра придется двигаться дальше. Но будет легче. Обязательно будет…

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Когда я открыла глаза, огонь погас, а на улице было совсем темно и далеко до рассвета. Я и проспала-то, может быть, не больше часа и проснулась от холода. Ветер еще выстреливал частыми залпами по долине, дождь на время перестал, но было так холодно, что застучали зубы, и я сама заколотилась как отбойный молоток. Ботинок мне пришлось снять и поставить к огню, но он вряд ли высохнет в таких условиях, а стопа, обмотанная запасной футболкой, почти ничего не чувствовала.

Еще чуть хмельная ото сна и голода, я раздула один-единственный непотухший уголек и все-таки развела костер, на что ушло не меньше часа. Что-то за пределами моего шалаша шуршало, вздыхало, пищало и топало, но, судя по звукам, то были мелкие зверьки. Когда огонь занялся как следует, я погрузила в него камни, предназначенные для согрева, и даже решила наконец вскипятить воды для чая. Но, подумав, отбросила эту мысль — лучше было дождаться дня, чтобы не тратить и без того скудные ресурсы понапрасну.

Трудно было назвать отдыхом ночные часы лежания в ненадежных, продуваемых и толком не обогреваемых укрытиях — мой мозг почти не отключался, только на считанные минуты, как в самолете, когда гул затихает и тут же врывается вновь. Но в эту ночь мне было особенно тревожно, уж не знаю, с чем это было связано, кроме того, что жизнь моя балансировала над пропастью.

До конца не оформившиеся мысли, мы иногда называем это предчувствиями, раздирали меня изнутри. В этот ночной час воображение не давало сну на время стать моим господином и подкидывало все новые страшные картины того, что со мной может произойти. А от всего этого — что я ничуть не отдохнула, была зверски голодна, сильно измотана и не могла хоть на время забыться сном, — волна страха, нет, даже ужаса, росла внутри меня как цунами, в любую секунду готовая захлестнуть и смыть все своим могучим ударом.

Стараясь думать о чем угодно, только бы отвлечься, я почему-то неожиданно вспомнила редакцию и наши будни. Это действительно подействовало на взвинченные нервы умиротворяюще. Там и сейчас, я уверена, все так, как я помню. Не в данную минуту, разумеется, а вообще. Наверняка продолжает звонить одна бабка, хорошо, что живет она в Заречье, с которым Город связывает паромное сообщение летом и автозимник в холода.

Хлеще и не по годам прытче нее была только восьмидесятидевятилетняя старушка, которая «Ленина с молодости хотела» и предлагала нам лечить все недуги талой водой, которую морозила в бутылках, а также жаловалась, что в ее батареях шепчутся люди Владимира Путина.

Еще до того, как открыть глаза, я почувствовала, что на меня кто-то пялится из темноты. Эта мысль так сильно взбудоражила, что я буквально подскочила и тут же врезалась головой в ветки. На меня в упор смотрели желтые глаза. Это была молодая лисица, которая уселась перед входом в шалаш и даже не отбежала, когда я в ужасе подорвалась. Да, лисы вообще непугливы, быстро адаптируются к людям и очень любопытны. Близ Города я их неоднократно встречала и кормила, хоть ветеринары и пугают бешенством, переносчиками которого лисички и являются. И сейчас пришла рыжая именно за едой. Только вот в этот раз мне угостить ее было нечем.

По еще более пасмурному небу споро бежали серо-сизые облака, готовые вот-вот разразиться ливнем, которые в этих широтах не так часто и встречаются. Мы и о громах узнали в последние лет восемь-десять. Сильно изменился климат на Севере. Лет двадцать-тридцать назад, да и раньше, если верить писателям, за все лето редко когда удавалось снять куртку. А в последнее время дамы стали баловать себя прогулками без колготок, топиками и коротенькими шортами. Не каждый день, но за сезон раз пять-десять бывало.

Конец июля — начало августа часто сопровождаются на Территории сезоном дождей.

С наступлением утра меня так и не покинуло уныние, связанное с тем, что время шло, а погода не улучшалась, рука моя болела ничуть не меньше, еды не прибавлялось, у меня все чаще кружилась (и чесалась!) голова, а настроение твердо держалось на отметке ноль и даже чуть ниже.

Я не могла себе позволить роскоши переохлаждаться, потому что не имела возможности нормально питаться и отдыхать в тепле. Скорее всего, дело кончится воспалением легких, если я буду шастать под дождем и не обсушиваться. Но и сидеть, ожидая с моря погоды, как у нас говорят, поедая просто мизерные запасы продуктов вхолостую, — это верная погибель.

Подкинув дровишек в костер, я решила наконец согреть полный термос чаю и двигаться, попивая его по чашке каждые полтора-два часа. С первой кружкой я могла себе позволить четвертинку сыра и половинку хлебца, а с последней — конфетку и, может быть, в порядке исключения, даже орешек в шоколаде. Только при одной мысли о еде в желудке моем завелся «харли-дэвидсон», но, обуздав чрево, я отправилась к реке совершать ежедневные обязательные омовения. Лис неотступно следовал за мной — маленький любопытный огонек.

Почему-то в его присутствии мне стало теплее, хоть это и смешно. Человек все-таки стайное животное, и, когда рядом кто-то есть, пусть дикий и небезопасный, ему легче и веселее. Во всяком случае, незаметно для себя во время чистки зубов и ополаскивания в студеном ручье, я что-то напевала. А плут, посидев со мной минуту, побежал назад, чтобы обшарить стоянку. Бедный, ничего его там не ждет, кроме глухо застегнутого рюкзака.

Теперь мне предстояла очень интересная миссия: носить к костру по банке воды, нагревать до кипения, переливать в термос и, закупорив пробку, повторять процедуру заново. И так четыре раза. Столько же пакетиков чая было в моем арсенале, то есть день я буду пить чай, а день — отвар из уже начавшего цветение иван-чая, брусничного листа и стланика. Кстати, в середине прошлого века зэков, сосланных в ежовщину в эти края, лечили стланиковым отваром от цинги. О пользе для организма брусничного листа на Территории и вовсе знает стар и млад. Так что буду обходиться всем, что есть.

Основная проблема, рассуждала я во время кипячения воды в банке, заключалась в острой нехватке пищи и невозможности как-то ее раздобыть. Я могла рассчитывать на грибы и ягоды. Грибов, как я заметила, еще не попадалось, может быть, с появлением солнца после этих дождей они как раз и полезут. А из ягод сейчас можно было поесть жимолость и, наверное, голубику, если найти хорошо прогреваемое болотистое место.

Да и вообще, если буду двигаться в пределах запланированного километража, вчерашний день не в счет, то, по моим подсчетам, к морю я выйду дней через девять-десять. Непонятно, где именно, но, надеюсь, примерно в тридцати-пятидесяти километрах от ближайшего населенного пункта. То есть вопрос пропитания стоит достаточно остро. И хотя человек может обходиться без воды четверо суток, как нас учили в школе, без воздуха (не дай бог) четыре минуты, а без пищи четыре недели, я бы не хотела знать, на что способен конкретно мой организм.

Чай был согрет и плотно закупорен. Я отлила немного в крышку, накипятила еще воды и заполнила емкость под горлышко, чтобы по максимуму использовать пакетик заварки. Потом полезла за пакетом и, развернув еду, поняла, что вот-вот накинусь на нее и съем все до крошки. Только неимоверным усилием, помноженным на стальную волю и отрезвляющий удар по руке, я съела положенное, правда, умяв и конфету с орешком в расчете поставить на сегодня на этом точку в своих гастрономических излишествах.

Мне было жаль лиса, который, хоть я и села спиной к выходу, чтобы его не дразнить, упорно буравил меня желтыми глазенками и нетерпеливо бегал вокруг, не решаясь все же в меня ткнуться. «Нет, милый, прости, не могу. Ты еще найдешь себе мышку или зайца, а я рассчитываю только на то, что имею в этом драгоценном пакете».

Следующий вопрос, который мне предстояло решить до отправления в путь: что делать с огнем. У меня еще осталось сколько-то там газа в зажигалке, но становилось ясно, что надолго его не хватит и вскоре — завтра или послезавтра — вопрос сохранения огня будет для меня самым главным. Ладно, сейчас еще рано об этом думать, решала я, сворачивая пакеты, один из которых здорово потрепал ветер, поверх остального содержимого рюкзака. К книге я даже не притрагивалась, не до духовной пищи, когда желудок прилип к спине.

Лис долго шел за мной, я бы даже могла подумать, из надежды поживиться, но, скорее всего, ему тоже было здесь одиноко, и он впервые узрел в своих угодьях двуногое чудовище с длинными ресницами, цветными когтями и вонючими сальными патлами, собранными в гнездо. Почесываясь на ходу в местах укусов и признавая, что не пахни я, как лесной житель, их было бы гораздо больше, я, спотыкаясь, шла по-прежнему вдоль ручья, только в противоположную, чем вчера, сторону. Сколь веревочке ни виться, но придется переваливать через очередную сопку, это вопрос времени, тем более русло незаметно стало поворачивать направо, а мне нужно было налево.

Приметив на склоне довольно приветливую проплешину, я стала взбираться, впервые за много часов ощущая прилив тепла и даже некоторую влагу под мышками. Но, достигнув вершины, пожалела, что шла так быстро, потому что по влажной спине загулял немилосердный северный ветер. Взору моему, как и прежде, открылась гряда сопок. А обернувшись, я с горечью обнаружила, что друг мой, хитрюга-лис, исчез, как его и не было. Вероятно, пошел домой. Я снова была одна.

Ручаться за точность расчетов возможности не было, но день так быстро стремился к вечеру, а проходила я, на свой собственный взгляд, так мало, что это повергало меня в отчаянное уныние. Я все еще видела, пусть и вдалеке, верхушку с отвесной скалой, под которой провела первую и вторую ночи и понимала, что отошла отнюдь не так далеко, как хотела. Не было видно и новых горизонтов и долгожданного моря, а силы покидали все быстрее. Держалась я на голом упрямстве, поэтому с хребта сошла непростительно поздно: нужно было вновь нырять в долину, где наверняка была вода, и располагаться на ночевку.

Вопреки моему прогнозу, дождь за весь день шел трижды: резкий и обильный, пусть и весьма непродолжительный: лило в общей сложности около часа, все это время я старалась провести в укрытии и вымокла незначительно, хоть и потеряла возможность пройти лишние четыре-пять километров. Зато я ни разу толком не продрогла, да к тому же постоянно подогревалась чаем, а по пути набрала травок для завтрашнего витаминного сбора.

Это единственное, что меня радовало, потому что спуск со склона оказался куда труднее, чем мне показалось, а ночь укутывала сопки все плотнее, как шаль, наброшенная на женские плечи. В какой-то момент на небольшой площадке, две части которой составляли отвесные скалы, а третью преграждал неслабый валун, я поняла, что ночевать мне, по всей видимости, придется именно здесь, подсобрав по склону сушняка на растопку, потому что дальше склон до самого низа состоял из мелких камней, а до шумящего лиственницами распадка было не менее часа пути. Еще какое-то время потребуется на организацию стоянки. И это все в темноте, ведь тучи так и не разошлись.

Дров было совсем немного, сухих и подавно, так что надежды на огонь таяли с каждой минутой, проведенной в поисках. Травы вокруг совершенно не было, лишь мох, который я с остервенением выдрала, особо не надеясь, что он мне хоть чем-то поможет. Если это исландская разновидность, то я точно знаю, что его добавляют в хлеб при выпечке. Наверное, и есть его можно. Если исландский… О местных мхах я почти ничего не знала, поэтому, как ко всему незнакомому, относилась с нейтралитетом и осторожностью.

Уже привычными движениями, задействовав в основном одну руку, натянула пакеты между камнем и скалой и попыталась подпалить ветки и мох, но заниматься огонь не хотел. Я знала, что до этого дойдет, когда нужно будет использовать в качестве розжига страницы из томика Куваева, но ждала такую минуту не сейчас. Я ненавидела себя за то, что делаю, но остывающий организм оказался требовательнее разума, жаждущего пищи духовной: руки как-то сами по себе отрывали от корешка первые страницы, которые, по правде говоря, я знала почти наизусть, но страдала, будто расправляюсь со святынею.

От пожелтевших смятых листков мох едва занялся и, покоптив для порядка, потух. Я рванула еще, раскладывая наломанную щепу так, чтоб она успевала просыхать. Но дело двигалось туго, а каждый последующий чирк мог оказаться для моей зажигалки смертельным.

Чирк-чирк-чирк, скрежетала она, через пять на шестой раз выдавая вместо искры маленький язычок, хоть распределитель был повернут на максимум. Только вот газа внутри почти уже не наблюдалось. Страницы, пятнадцатая и шестнадцатая по счету, уже дотлевали, превращаясь в серые комья, но не загораясь. Последнее, что я могла сейчас сделать, это отдать агонизирующему пламени этот уже почти бесполезный кусок пластмассы, который может высвободить ровно столько импульса и спасительного жара, которого хватит для мелких дров. Ах, была не была!

Не успев осознать последствия, я кинула зажигалку в умирающий огонь, и через пару секунд раздался хлопок: огниво взорвалось, отдавая почти бездыханному костру себя. Ветки не подхватывали пламя, мох, хоть он должен был подсохнуть, тоже, и я поняла, что проиграла: огня больше не будет. Наклонившись и закрыв догорающий озорной язычок руками, я стала в прямом смысле слова вдыхать в него жизнь аккуратными точечными толчками углекислого газа из легких. Ничего. Секунда. Нет. Еще одна. Нет. Дымок-танцовщик исполнял уже на пепелище свой предсмертный пируэт…

Сначала загорелся самый краешек мохового шарика — так робко и осторожно, что я вообще боялась пошевелиться и выпустить воздух из легких, чтобы его не потушить. Потом огонь побежал по тоненьким ниточкам, еле-еле озаряя пространство вокруг себя подобием света. А еще через мгновение оранжевая юркая точка скользнула по щепе, и я слегка дунула, чтобы увеличить площадь горения.

Я провисела над костровищем, прикрывая его своим полуживым замерзающим телом, не меньше пятнадцати минут, пока не удостоверилась, что огонь жизнеспособен. Только тогда почувствовала, как нестерпимо ломит поясницу от пешего передвижения, ночевок на земле под открытым небом и перенапряжения мышц. А еще с удивлением обнаружила, что оперлась на оба локтя, несмотря на резкую, как удар спицей, боль в плече, словно молнией пронзавшую руку до кончиков пальцев.

Умываться я не пошла, потому что до изнеможения устала на этом этапе пути, хоть и всем нутром чуяла, что он далеко не самый сложный. В идеале я давно хотела нагреть воды и попытаться, хоть и фрагментарно, по-человечески вымыться. Голова чесалась так, будто вся состояла из вшей. Но это были всего лишь грязные нечесаные волосы, к которым оказалось настолько противно притрагиваться, что я несколько суток не развязывала тугой узел, уже порядком расхлябанный.

Есть хотелось просто смертельно, до озноба, до колик. У меня оставалась еще примерно чашка чая. В пакете своего часа ждали собранные на холмах иван-чай, брусничный лист и стланиковые иглы. Это заправка для завтрашнего ободряющего питья. Завтра. Все завтра. Я решу как-нибудь вопрос мытья, сделаю себе маску и превращусь из чернавки в принцессу. Одинокую странствующую повелительницу Оркнейских островов из сказаний о короле Артуре.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Рядом явно кто-то был, осязаемый, несмотря на тишину и безветрие. Я ощущала это кожей. А волосы по всему телу, клянусь, просто стояли дыбом. Сердце билось в горле, я едва дышала и никак не могла успокоиться.

Камни, служившие обогревом, давно остыли и стали тянуть тепло вместо того, чтобы его отдавать. Я потихоньку сдвинула булыжники и выглянула из своего убежища. С единственного на всем склоне корявого дерева на меня смотрели два горящих глаза. Это было так жутко, что я, как маленькая девочка, зажмурилась, запихивая в рот кулак, чтобы не завопить: непонятно, как эта неизвестная зверюга отреагирует на мои крики.

Спокойно, пожалуйста, только без резких движений. «Анечка, милая, ты же все можешь, когда надо!» Было понятно, хоть я мало что успела разглядеть, — животное крупное. И если бы не место засады, я бы сказала с полной уверенностью, что это волк. Но волки же на деревьях не сидят. Так делают кошки. Но они, если точнее, исключительно рыси, водятся далеко не на всей Территории, им не везде климат. К тому же, ведут себя эти хищники настолько осторожно, что даже охотникам с многолетним стажем не удается так вот запросто выследить особь. Так кто же это? Может быть, сыч? Да, да, это сычик так меня напугал своими желтыми круглыми глазюками. Ночь — самое его время.

Мне впервые за все время не было очень холодно в темные часы, скорее, просто зябко. Вероятнее всего, завтра наконец установится погода. Ведь наступит первое августа, самое время для последнего тепла, которое совсем скоро развеется по северным склонам и утечет куда-то в Ледовитый океан до самой следующей поздней весны, когда его случайно занесет в эти широты на каких-нибудь пару месяцев.

Нигде лета не ждешь больше, чем на Севере. Нигде каждый солнечный день не ощущается слаще, чем на Территории. И никогда тебе не осознать так ярко и отчетливо, как в этих широтах, что лето — это маленькая жизнь. Очень скоро все это величественное безмолвие окутает снегами, скует морозом и продержит в этом панцире так долго, что, кажется, дольше и нельзя, что не будет больше ни травы, ни первой робкой листвы на ветках, не полетят по ветру одуванчики…

…Солнечный зайчик запрыгал по моим щекам, лбу, на миг тронул ресницы, поцеловал в закрытые глаза и на какое-то время спрятался за тучку. Она была в форме чьей-то лапы и плыла медленно, как одинокая хозяйка низкого купола неба, как бельмо на ярко-желтом глазу.

Мне почему-то вспомнился мой день рожденья. В этот июньский день обычно было очень тепло. И еще он, кроме скромняцких подарков, что мне были уготованы родителями, простыми служащими, приехавшими на Север в свое время за мечтами, деньгами, туманами и тем самым запахом тайги, дарил уже почти забытое ощущение абсолютного, безусловного счастья от первой несмелой встречи с летом.

И вроде бы сейчас мы тоже входим в июнь, который иногда даже теплее тех, что были два десятка лет назад, в моем босоногом детстве, но куда же, куда девается чувство, что ты маленький бог на своей индивидуальной планете — бесстрашный и всемогущий? Пусть это и нелогично, но именно утром пятого дня моих одиночных скитаний я впервые почувствовала то, за чем безуспешно гонялась, в том числе в суете больших городов, долгие годы — безграничную радость от встречи с новым днем, приключениями и прикосновение к давно позабытой, просто скроенной сказке.

Я решила сделать перезагрузку своего настоящего и, вопреки отсутствию каких бы то ни было элементарных приспособлений, по возможности вымыться,

привести себя в божеский вид, накипятить воды для травяно-хвойного сбора, а уже потом с чувством выполненного долга двигаться дальше. Потому что все получится. Обязательно. Не может не получиться!

Для задуманного мне нужно было развести огонь у водоема, перенеся весь лагерь туда, нагреть воды полный термос, потом смешивать холодную с горячей в двух кружках, что составляли крышку, и железной банке, таким образом получив хоть какую-то возможность вымыться.

Через час я уже приступила к реализации плана: костер — а я перенесла вниз вместе со всеми вещами полную банку углей — уютно потрескивал среди деревьев и кустов на берегу ручья, вокруг роились комары, да так, что пришлось кинуть пару сырых веток с листвой в огонь — дымовуха неплохо отпугивала кровососущих. У меня уже было достаточно кипятка, точнее он парился во всех доступных емкостях. Я, оголившись по пояс, как следует вымочила волосы в студеном ручье, слегка пролила их из банки, чуть не сварив кожу, нанесла шампунь, запах которого показался здесь чем-то чужеродным и еще более химическим, чем на самом деле, концами вспененных волос как мочалкой прошлась по торсу, где смогла достать, потом сполоснула голову и тело, ежась до мурашек, сначала холодной, потом разбавленной горячей водой.

Никогда еще мытье не доставляло мне столько удовольствия и не сопрягалось с полнейшим самозабвением, потому что на какое-то время я забыла, где нахожусь и как сюда попала, что предстоит мне и каковы мои шансы на благополучный исход. Человек действительно привыкает ко всему. А если он незаконченный пессимист, то заметит в своем положении нечто хорошее, хотя это, поверьте на слово, бывает совсем непросто.

Чтобы как следует промыть волосы, но уже от маски, мне потребовалось греть и греть эти бесконечные баночки с водой. Пока подходила одна, предыдущий кипяток уже плескался в двух пластмассовых кружках. Дополняя холодной, я лила получившуюся смесь на макушку, мечтая о том, чтобы чесаться хоть чуть меньше. Но плохо промытые волосы, шея, грудь, подмышки и спина зудели, пусть несильно, но достаточно неприятно и навязчиво. Я понимала, что хорошо отмыться не смогу, но сам факт, что на мне гораздо меньше грязи и пота, чем было, уже заряжал бодростью и оптимизмом — прям как в рекламе.

Если б я не так рьяно изображала водоплавающую утку, чистящую перья, то увидела бы невдалеке от себя все те же два глаза в комплекте с круглой головой, коренастым туловищем и мощными лапами. Животное наблюдало из-за ближайших кустов — осторожно и пытливо поводило носом, буравя меня бусами глаз. Я заметила какое-то движение периферическим зрением и, замерев, как в игре про морскую фигуру, осторожно повернула голову. Это так странно, что в минуту опасности многие из нас боятся взглянуть в направлении, откуда она грядет. Будто если не смотреть, ничего и не случится.

Наши взгляды встретились. Я стояла на карачках у заводи и полоскала волосы, а зверь смотрел на меня без каких-либо эмоций. Сначала мне показалось, что это медведь. Еле сглотнув, я встала и распрямилась. Сердце колотилось на весь лес, подмышки и ладони моментально стали мокрыми, меня затрясло. Кроме умилительной лисички и писклявых барсуков, воплем оповещающих о вторжении чужака, мне за все это время еще не доводилось лицом к морде повстречаться с кем-то действительно опасным. Но к этому внутренне я готовилась каждый миг последних дней.

Приглядевшись, поняла, что это не медведь, а какая-то крупная куница. Но особой радости от этого не испытала, потому что узнала в ней росомаху. Я не какой-то там великий спец по животным, просто любознательная в силу профес-

сии и характера. С этими северными хищниками, а на Территории водятся самые крупные особи, шерсть которых, если я правильно помнила, наиболее светлая, с росомахами этими, не хочет встречаться даже хозяин тайги, потому что, будучи голодной, она способна на внезапное нападение и вообще слывет непредсказуемой и весьма терпеливой охотницей, которая идет по следу предполагаемой добычи по типу игуаны — долго и упрямо ждет своего часа. Мне только этого не хватало!

Животные чувствуют страх. Хотя бы из-за этого следовало попытаться взять себя в руки. Я не была ранена, поэтому имела шанс уйти живой. Разглядеть детально неожиданную гостью я не могла, но на глаз оценила, что размером она с лайку. Большая. В прямую на конфликт с человеком не пойдет, тем более летом, в пору активной охоты, нагула жирка и размножения, если это самка, но следовало держать ухо востро.

Настроение порядком испортилось, и опасности, на время отступившие, вновь навалились на мои хилые плечи неподъемным грузом. Сейчас утро, ну, может быть, ближе к полудню. Но наступит ночь, и что тогда мне делать? Росомаха, если я правильно разгадала ее намерения, будет идти по моему следу и терпеливо ждать, когда я улягусь. В эту ночь она не тронула меня только по той причине, что не знала, что я вообще такое. А теперь насмотрелась всласть из своего убежища и оценила собственные силы. Как пить дать, оценила, потому что осмелела, не спеша прошла в отдалении, но рядом со мной, взобралась на дерево и в открытую продолжила наблюдение с безопасного расстояния.

Тут мне стало вообще не до смеха, потому что сон — единственная маленькая радость в кошмаре моих будней. Пищи у меня нет, есть скудные кусочки, и держусь я только благодаря незначительным запасам жира, как животное. Но они вот-вот истощатся, организм станет отдавать их все неохотнее.

Кто хоть однажды сидел на жесткой диете, поймет меня. Все эти разгрузочные дни с питьем воды или трав в течение суток-двух, бессолевое питание, потом безуглеводка, раздельное, цветное… Если б тогда, когда я неизвестно ради чего истязала себя диетами, мне стало известно, что придет день и голод ворвется в мою жизнь, никогда бы, клянусь, не отказала себе в куске торта или сале с помидором на ночь!

Помню, как в тишине и уюте жилища с трудом засыпала от голода, что сводил желудок, мечтая проснуться с утра и наесться всего, что запрещала себе вечером. Обычно наутро хотелось еще меньше, и я продолжала истязать, уродовать организм. Я становилась худой через пару недель таких мучений: живот вваливался, обнажались ребра, грудь становилась не больше фурункулов, руки-веточки смотрелись комично. Зачем это все? Зачем?!

А потом Алик признался, что никогда не любил тощих. Вот так вот перед телевизором: «Зая, тебе нравится фигура Лопес?» Я ему: «Ну нет, конечно! У нее такая огромная задница». Он, пожимая плечами: «А по-моему круто, когда все такое кругленькое, есть за что подержаться».

Почему он не говорил мне этого, когда я не ела, почти теряя сознание от голода, когда пила воду по часам, истязала себя в спортзале сушкой и гонкой веса? Почему ни разу не заикнулся, что девушки сорок второго размера с фантомной грудью — не в его вкусе? И как я, дура слепошарая, не заметила, что в гостях он таращился на сисястых девиц сорок шесть плюс и, говоря, что нам рано еще детей — мне тридцать, ему тридцать пять, — умилялся чужим, придумывая общие забавы и бесконечно их тиская? Что я вообще знала о своем уже бывшем муже? И что он, в конечном счете, знал обо мне?

…Росомаха была столь неподвижной, что я, утирая набежавшие злые слезы, даже на какое-то время, вспомнив Алика и свое такое отдалившееся на века за эти

пять дней общее прошлое, улетела в давно минувшие дни мифического, так и не распробованного счастья.

Руки как бы сами по себе кипятили воду уже в термос, вываливали туда смесь из припасенных трав, закручивали пробку, взбалтывали, «женили» напиток, доставали из пакета очередную микроскопическую порцию пищи, а мозг работал в режиме памяти, унося меня с поляны у безымянного ручья так далеко, что я перестала слышать звуки, ощущать запахи, меня даже не беспокоили тучи комарья.

Я горевала. Впервые за эти полгода ощущала боль где-то глубоко внутри себя. Боль по утраченной возможности счастья. Горечь неудачи, в которой была виновата сама и давно это осознала.

Когда мы не хотим что-то признавать, мы прячем правильный, честный ответ так глубоко внутрь себя, закрыв потайную дверцу на ключ, который вешаем на гвоздь в секретном месте, куда непременно теряем дорогу. Изобретаем подмену, которую вместо правды кладем на поверхность, привыкаем считать истиной — единственной и непреложной. Так случалось со мной не раз — в профессии и в личной жизни. Мы отказываем сами себе в возможности откровенно посмотреть правде в глаза. Напрасно, если мысль хоть раз закрадется в сознание, она как вирус выкосит все, чем мы там обложились ради собственного спокойствия. Мы так стремимся к комфорту — внешнему, внутреннему, что сама возможность сформулировать для себя неприглядную правду вызывает панику.

Я ведь действительно была стервой, в чем он меня и обвинил перед тем, как уйти. Все верно. Теперь, когда жизнь поставила меня перед фактом, что я могу ее потерять в любую минуту, отпираться стало бесполезно. Лучше очиститься, как омывают покойников перед тем, как проводить их в лучший мир.

Я не знаю, не могу дать честный ответ, за что мы так безжалостны к людям, которые оказываются рядом с нами. За что мы так ненавидим их и караем, уродуем и наказываем, действуя самыми изощренными способами. Все ведь начинается с малого: не так поставленные ботинки в прихожей или невымытая посуда становятся причиной военных действий не на жизнь, а на смерть.

Почему-то мы с легкостью все прощаем полузнакомому человеку, которому ничем не обязаны, а близкому ставим в вечный упрек: «Ты безрукий», «Лентяй хренов», «Да какого ты каждый раз так делаешь?», «Как меня все это задолбало». Какая знакомая история. Только когда он ушел, я поняла, что в первую очередь потеряла друга.

Это было так примитивно, что я, лежа в пустой кровати среди ночи, даже не могла поверить, что серьезно отношусь к своим упрекам. А потом поняла, что мы, живя в плену каких-то стереотипов, непростительно и горько заблуждаемся. Нам почему-то кажется, что мужчина нужен для того, чтобы приносить деньги, не разбрасывать вещи, выносить мусор, делать детей и, в принципе, доставлять сексуальное удовольствие. А еще помогать по хозяйству и жалеть, когда нам плохо. А вот то, что мы должны мужчине сами, как-то более размыто. Многие женщины считают, что их единственное предназначение — украшать мир. Я же всегда думала об идиотском равноправии, независимости и прочей ерунде, и в итоге в один далеко не прекрасный день услышала, что я стерва и что рядом со мной он давно уже не чувствует себя мужиком.

Конечно, в моих глазах виноват был лишь он один: виноват всегда тот, кто обвиняет.

Завтрак, он же обед, был съеден практически в один глоток и запит большой порцией травяного чая. Признаться, я не почувствовала особенной разницы в своем

состоянии до и после этого праздника живота. Но даже если сожрала бы все, что находилось в пакете, мне не стало бы легче и долгожданное чувство сытости не пришло бы.

Поторапливаясь и то и дело оглядываясь на дерево, где все еще, не очень-то и таясь, полулежала росомаха, я собрала рюкзак, почувствовав не такое уж частое в этих широтах желание обнажиться до футболки, что и сделала. День обещал быть не просто теплым, а даже жарким.

Перед тем как двинуться в путь, я должна была решить ключевую задачу, от которой в прямом смысле зависела моя жизнь: как сохранить огонь минимум на десять часов. Без него холодными северными ночами мне не выжить. Я, конечно, не умру, но не смогу спать и в конечном итоге застужусь до серьезных осложнений. Нет, без огня оставаться никак нельзя!

На данный момент, рассудила я, есть один способ — перенести тлеющие угли в банке. В моей единственной банке, в которой я кипячу воду буквально для всех нужд. Если она прогорит, это будет невосполнимая утрата.

Насыпав на донышко земли, сверху я припорошила домик огня золой, на эту подушку опустились четыре уголька, на которые сверху легла все та же «приправа», а еще выше — крышка, между ней и стенками остались щели для доступа кислорода. Если я нигде не ошиблась, то вечером угли будут тлеть и дадут разгореться новому пламени. Если нет, то дела мои окажутся не просто плохи, а смертельно плохи.

С этими невеселыми мыслями, закрепив банку в одном положении в боковом кармане и стараясь поменьше трястись, я направилась через ручей на новую сопку, ориентируясь по солнцу, куда держать путь. В том, что я шла к морю, сомнений не было никаких. Единственным вопросом оставалось, как скоро мне удастся достичь его берегов. Потому что, когда это произойдет, надежда на спасение трансформируется в реальную возможность выйти из всей этой передряги живой.

Я шла — карабкалась, спотыкалась, сдирала кожу на руках и ногах, скользила вниз, шагала по пикам, цеплялась за ветки, кусты и даже траву — росомаха всегда была в поле зрения: достаточно далеко, но все-таки объективно рядом. Если первую половину дня меня это особенно не тревожило, а местами даже забавляло: у росомах непропорционально широко расставленные толстые мощные лапы, и они очень смешно ходят, то, как только солнце стало клониться к закату, в душу мою вкрался липкий обезоруживающий страх: как и где я буду ночевать? Росомаха способна подобраться бесшумно и, прыгнув, одним укусом перегрызть сонную артерию. Об этом я тоже когда-то читала на специализированных сайтах. Но не спать до рассвета я не смогу. И костер, даже если он будет полыхать, вряд ли спасет меня от голодного хищника. Что же мне делать? Что?!

По мере того как я уставала и все чаще спотыкалась, животное приближалось наглее. Обернувшись, я уже могла разглядеть светлую длинную шерсть, блестящие когти и злые пуговицы глаз. Расстояние между нами порой сокращалось, и она останавливалась, замирала, иногда даже уходя в тень кустов, а порой и вовсе не прячась. Это была такая игра: «Я знаю, что ты знаешь». Вот только выйти из нее я не могла.

Если до этого мне казалось, что росомаха рано или поздно отвяжется, как безобидная лисичка, которая проводит и пойдет по своим делам, то теперь, на пороге ночи, я знала почти наверняка, что встретился мне крайне опасный хищник, который замыслил не что иное, как убийство.

Как раз в тот момент, когда солнце танцевало свой ежевечерний прощальный танец под музыку ветра, потихоньку скатываясь с сопки за горизонт, я достигла очередного пика, даже не зная, что планировала за ним увидеть. А это была… широченная река, шум от которой до того момента принимала за перекличку ветров.

Река шла массивным потоком, потом делилась на притоки и в какой-то момент, омыв острова с одинокими деревьями, вновь собиралась в одно течение — судя по всему несильно бурное, чего в тот момент я не могла сказать о подводном.

Темно должно было стать уже часа через полтора-два. А мне предстояло не менее половины этого времени, как бы не больше, спускаться в долину. Спасение мое, насколько я успела оценить ситуацию, было в том, чтобы перебраться через водоем, в который, возможно, росомаха не полезет. Это был хоть какой-то шанс, тем более штурмовать русло пришлось бы все равно. Конечно, хотелось для начала поднабраться хоть каких-то силенок, но обстоятельства толкали на откровенные безумства. Если честно, я до конца не верила, что смогу войти в воду.

Обернувшись на своего преследователя, который был тут как тут под раскидистым стлаником, я поползла по склону, теряя время от времени в густых зарослях маршрут. Необходимость пробираться кустами лишала последних сил. Несмотря на прохладу, мне было жарко. От усталости тряслись ноги, хоть я была физически вполне подготовленным человеком, но внутри поднималась какая-то тупая апатия.

Вот бы лечь сейчас, откинуться на спину, подложить под голову рюкзак и просто отключиться. Уже не вытирая слез, я гнала от себя эти мысли, путаясь в очередных зарослях, становившихся по мере приближения к воде все более непроходимыми.

Честно признаться, за все время борьбы за выживание спуск с сопки в долину безымянной реки стал для меня самым серьезным испытанием. Сказывалась чудовищная усталость, голод, стремительное приближение ночи и опасный, терпеливый враг, маячивший позади угрожающей тенью. Я торопила сама себя, дважды падала, больно ударяясь коленями и выворачивая лодыжки, мое едва зажившее плечо начало ныть и при каждом неосторожном движении отдавало болью не только в руке, но и где-то в туловище. Внутренне я была не просто опустошена, а выпотрошена, и самое страшное — в голове больше не было мыслей, только звенящая, пугающая тишина.

В ту минуту, когда ноги мои ступили наконец на гальку, я была близка к обмороку: стало почти наплевать, что со мной будет. Я не хотела есть, нет, я умирала от голода. Одно дело не принимать пищу, лежа в больнице и почти не тратя энергии, а совсем другое — преодолевать сумасшедшие по сложности маршруты, не имея во рту и маковой росинки. К моему огромному сожалению, лунные ландшафты, которые выпали мне в тот день, не дали возможности чем-нибудь поживиться, кроме разве что можжевельника и стланика, а спускаться в распадки я попросту боялась, потому что там полно опасной живности, которая не вылезает на камни из-за того, что жрать там нечего.

С берега река казалась просто огромной, хоть и действительно тихой. Иногда даже мерещилось, что течения в ней и нет вовсе. Но это впечатление, безусловно, было обманчивым. Я огляделась, примеряясь к последнему на сегодня переходу. И, разумеется, увидела свою заклятую подругу.

Росомаха стояла совсем близко и скалилась. Клянусь, это было самое ужасное зрелище из всех-всех мною когда-либо виденных. Зубы у нее были желтоватые и невероятно большие для такой маленькой морды. Ну вот, кажется, и все. Эта тварь чувствовала, что я замыслила побег, хоть от усталости и голода едва дышала, и наверняка посчитала меня легкой добычей. Осознание, что все муки могут закончиться так вот — на берегу какой-то речушки в богом забытом углу Территории, где меня никто никогда не отыщет, подействовали как пощечина.

Сама от себя такого не ожидая, я швырнула в росомаху камень, потом еще один и еще, и стала орать как безумная. Я материлась так изощренно и долго, словно ребенок, молчавший, когда все сверстники уже вовсю лепетали, наконец заговорил — и сразу без умолку. Пару раз, отбежав на несколько десятков метров,

куница еще пыталась огрызаться, но, почуяв, что имеет дело с явно больной особью, скрылась. Понятно, она не ушла, а заняла выжидательную позицию, но это уже было хоть что-то.

Я понимала, что мне придется штурмовать эту реку именно сегодня и, скорее всего, сейчас, и решила не ждать ни секунды, снимая намозолившие ноги до крови туристические ботинки, черт бы разодрал их производителей. Обувь была настолько массивной, что я боялась ее мочить, потому что просушить их будет достаточно сложно. Ботинки за шнурки я подвесила к рюкзаку. Также сняла брюки, оставшись в носках, очень гламурных трусиках-танга, лифчике и майке. Рюкзак мне предстояло нести как можно выше над водой, потому что в нем была самая великая моя ценность — тлеющие угли. Если я их намочу, мне не стоит идти ни на какой противоположный берег. Смысл?

Когда с предподготовкой было покончено, я зябко подогнула под себя сначала одну ногу, затем другую, несколько раз подпрыгнула, но вышло совсем вяло, а потом в густой и вязкой полутьме все-таки решилась и почти без боязни сделала шаг в воду.

Меня так обожгло, что на миг дыхание застряло где-то между гландами и желудком. Было просто невероятно холодно, кожа пошла болезненными огромными мурашками, стало сводить стопы, но я упорно шла, пока еще неся рюкзак за плечами, ведь вода доходила мне до колен. Через считанные секунды я добралась до первого островка. Это была самая узкая полоска. Впереди виднелись еще три, каждая следующая шире предыдущей.

Лишь только я опустила ногу, она едва нащупала дно, когда вода подобралась к талии. Как же здесь глубоко! Было и внутреннее течение, что повергло меня в безотчетную панику, я едва не повернула назад, остановленная исключительно тем, что уже вымокла как последняя мышь и точно должна достигнуть противоположного берега. Как только я об этом подумала, стало значительно мельче, и оставшиеся двадцать метров я шла вполне спокойно, уже почти не чувствуя холода.

На этом островке я готова была находиться вечно: он был самым широким из всех, на нем даже росли несколько тонких деревец. Мечтая остаться, я оценила перспективы: дров здесь с гулькин нос, да и росомахе немногого будет стоить добраться сюда за долгие ночные часы. Мне нужно двигаться дальше!

Чувствуя боль во всем теле и дикую усталость, я поднялась, борясь с подгибающимися ногами, мышцы жгло паяльной лампой от ягодиц до щиколоток. К ногам еще будто камни привязали, шевелиться просто не было никаких сил, а в лунном сиянии, хоть ночь оставалась пока еще не темной — белые были на излете — я видела самую широкую часть изломанной островками суши реки. Перебраться через нее, не замочив рюкзака, будет очень сложно, несмотря на галечное дно, пока не подкинувшее сюрпризов.

Водрузив заплечный мешок на голову, я двинула в воду, которая после небольшого передыха обожгла меня с новой силой. К такому просто нельзя привыкнуть! С каждым шагом я все стремительнее погружалась, в какую-то секунду поняв, что здесь глубже, чем во мне росту. На это я все ж таки не рассчитывала! Что мне делать? Что?! Вода была уже в области ключиц, шеи, губ, носа… Я не смогу держать рюкзак на вытянутых руках, если потеряю опору хоть на мгновение, он сразу уйдет под воду вместе со мной! Держи, держи…

Еще не сделав шаг, я, что есть сил, швырнула заплечный мешок, видя, что до берега метров пять, не больше, и в следующий миг по инерции ушла под воду с головой. Это оказалось столь неожиданно и так холодно, что я задергала всеми конечностями, силясь всплыть хоть на миг, чтобы глотнуть воздуха.

Борьба со стихией и усилившимся подводным течением длилась вечность, но вдруг моя голова оказалась над водой. Жадно я всосала несколько порций воздуха, понимая, что меня уносит течением и я ни черта не вижу из-за намокших и прилипших к глазам волос. Что есть сил, вспомнив все, чему учил меня отец, я заработала руками, ногами, торсом и, кажется, даже ноздрями. Мне чудилось, что я вообще никуда не плыву, но в какой-то момент неожиданно приняла вертикальное положение, нащупав ногами твердую почву.

Рюкзак валялся метрах в пятнадцати выше по течению и одной стороной был в реке. Подхватив его, я ринулась к последнему ответвлению и тремя сильными прыжками преодолела эту тихую заводь. Только оказавшись на берегу, поняла, какое чудо совершила: я, с детства ненавидящая природные водоемы, боящаяся черной пучины и рыб, как герой сражалась за свой первый серьезный переход. Только в этот момент вспомнила об углях и стремительно полезла в рюкзак. К несчастью (все внутри похолодело), мой походный ридикюль упал в реку именно тем карманом, в который я с такой заботой и любовью поставила укутанную в полиэтилен банку из-под тушенки.

Лезть внутрь мне казалось почти бессмысленным, но ничего иного все равно не оставалось. Да, угли были потушены. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я все же пошла за сухой травой, сгорбившись и понурив плечи, будто на них лежала вся тяжесть вселенной, разложила пучки на камнях и вывалила угольки поверх. Глупая девчонка, законченная оптимистка, кретинка несчастная… Потом я легла всем телом на эту конструкцию, как мать на свое убитое дитя, и зарыдала, между всхлипами пытаясь вдохнуть жизнь в эти бесполезные черные кусочки. Я плакала так горько и отчаянно, что, кажется, даже сопки пускали украдкой слезы ручьев и тут же утирали их ветрами.

Я дышала на угасшее пламя, понимая, что мертвого не воскресить, но вдруг ощутила, что вроде бы запахло дымком. Показалось? Скорее всего. Нет, нужно раздувать, во что бы то ни стало, нужно! Да, это действительно был дым. Вероятнее всего, банка, упавшая набок, приняла влагу лишь отчасти, много ее взяла земля, зола и нижние угли. А какой-то один, самый живучий, сохранил жар. Так и человеческое сердце, если способно, хранит в себе искру добра и любви, несмотря ни на какие ненастья.

Когда появился первый озорной язычок пламени, во мне проснулись такие силы, прыть и радость охватили истерзанное тело, что я понеслась по берегу, не страшась больше никаких зверей, собирая сухие поленья, благо река выносила их щедро. Я таскала их еще и еще, как сумасшедшая, пока сама себе не приказала остановиться: здесь уже можно было ставить сруб. От жадности я развела еще два костра, а в центре настелила из одинаковых бревнышек себе лежанку. Все это я производила в полуголом виде, потому что, бегая, могла быстрее просушить нижнее белье. И от радости, нет, даже счастья, мне было тепло и уютно на этом берегу, будто в собственном доме.

В тот момент чистым безумием выглядели все мои тревоги и обиды, которые терзали воспаленный разум какую-то неделю назад. У каждого из нас есть в окружении люди, которые стремятся отравить нашу и без того не самую радостную жизнь. И мы, порой, не обращая внимания на сильные порывы ветра и удары судьбы, которые переносим стоически, ломаемся от какого-то незначительного дуновения.

Но что были все злые слова, какие-то мелочные дрязги и обиды в сравнении с тем, что я, городская девочка Аня Малинина с маникюром, педикюром, биоревитализацией, гиалуронкой в губах, ламинированием волос и наращенными ресницами, выживала в дикой северной природе назло ветрам, врагам и росомахам? Перебиралась практически ночью через реки и сохраняла огонь в консервной банке.

Просто жила, когда другие, которые гораздо прочнее меня, наверняка сдались бы, сошли с ума или сложили бы лапки кверху — берите меня, хищники, тепленького! Нет, нет, вам меня не взять! Хрена с два!

Дикая смертельная усталость навалилась на меня так же неожиданно, как и отступила. Как только я, одевшись во все, что было, на секунду прилегла, подложив под голову изрядно опустевший рюкзак, сон буквально выключил меня, как удар по затылку. В моей новой жизни больше не осталось таких понятий, как некомфортно, холодно, сыро, промозгло, неудобно. Если ты лежишь у огня — это уже ни с чем не сравнимое наслаждение.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Что-то заставило меня открыть глаза, и это был не холод. И не восходящее солнце, потому что небо еще было по-предрассветному голубо-серым. Поначалу, переводя взгляд от одного испускающего вьюнки серого дыма костровища к другому, я решила, что росомаха опять пялится на меня с какого-нибудь дерева, но тут же поняла, что кто-то копошится позади, за головой.

Сердце дало по ребрам двумя мощными ударами и замерло. Страх, парализующий, липкий, мощный, буквально пригвоздил к бревнам и забрал дыхание. Мне нужно было оглянуться, хотя бы для того, чтобы не схлопотать разрыв сердца раньше времени, но тело не слушалось. А тем временем шевеления и невнятные звуки становились все ближе.

Я села так резко, что птички с деревьев слетели с неистовым клекотом и заметались над рекой. По правую от меня руку, недалеко от прогоревшего костра, стоял какой-то щенок, с упоением нюхая почерневшее, еле тлеющее пепелище. Еще даже не отдавая себе отчета в том, радоваться ли мне появлению собаки, я, обгоняя чувство самосохранения, ринулась к животному.

— Кыш, кыш, — сказала-шикнула, выставив вперед руки, чтобы его отогнать от горячих углей. И в этот же миг за кустами раздался неимоверной силы рык, вместе с которым на галечник буквально выкатился какой-то огромный шар. Это был… медведь!!!

Я заорала и, еще не закрыв рот, услышала резонанс от собственного вопля, несущийся по долине. Щенок встрепенулся и отскочил от костра и меня, как от оплеухи. Только тогда я с ужасом разглядела в нем медвежонка. Ну все, это точно конец!!!

Если до этого перспектива умереть была скорее умозрительной, чем реальной, то именно в момент, когда мой взгляд вперился в пуговицы глаз хищника, сомнений не осталось: мне умирать. Мучительно и бессмысленно. После стольких испытаний, страхов, лишений, слез, маленьких побед и всех этих прозрений, которые никогда бы мне не постичь, если б не обстоятельства… Но любой житель Территории знает с младых ногтей: если встретился с медведем — это не беда, в большинстве случаев он просто уйдет. Но коли напоролся на медвежонка со злой мамашей — крестись и кайся, жить тебе совсем недолго.

Но сейчас страха почему-то не было. Наверное, именно такое чувство испытывает человек, ни на секунду не сомневающийся, что смерть пришла. Я, обреченно опустившись на бревна, на которых и ночевала, смотрела на медведицу, она — на меня. Между нами стоял ее детеныш — маленький любопытный комок бурой шерсти на коротких коренастых лапках, не больше спаниеля в холке. Он водил черненькой пуговкой носа и смотрел на меня с таким бешеным любопытством, что не хватало только, чтобы он открыл пасть и спросил, что я за чудище лесное.

В этот момент кусты зашевелились, а вместе с ними и волосы на моем затылке, потому что на берегу показался еще один мишка — гораздо меньше матери, но втрое крупнее мальца. Это пестун, медведь-нянька, ему было примерно от двух до трех лет. Именно три первых года детеныш при благоприятном стечении обстоятельств находится при матери и к концу этого срока отходит от нее подготовленным ко взрослой жизни. А мне просто невероятно «повезло» наткнуться не на одиночную особь, а на целую семью, глава которой разорвет в клочья любого, кто приблизится к ее потомству.

Неужели все так и закончится? Голова закружилась, в горле пересохло, руки затряслись, и стало сначала невыносимо жарко, а следом и очень холодно. Если она не убьет меня, а лишь покалечит, я, изуродованная, буду истекать здесь кровью, пока она не утащит меня под корягу или не закидает стлаником, ведь медведи предпочитают свежему мясу протухшее.

А во мне и мяса-то того ей на один зуб: за пять дней голодных скитаний и еще три до того, когда я тоже толком не спала и не ела, остатки жира вытопились, подгорели и мышцы. Я стала невероятно тощей и угловатой, брюки повисли и держались только на ремне, лифчик разболтался, футболка была как колокол. Что ей с меня? Только кости. Ими полакомятся росомаха, которая жрет даже зубы, и волки — раздербанят и растащат по нышпоркам. И никто никогда меня не найдет, даже чтоб предать все, что осталось, земле. И чтобы было куда сходить моей бедной маме…

Слезы просто душили, и я не стала их прятать. От кого? Звери безжалостны, у них нет эмоций, души, они неспособны любить. Я все так же смотрела строго перед собой, чтобы знать, когда же она наконец наступит, моя последняя секунда на земле.

Я почему-то всегда думала, что умру по осени. Мы много раз проживаем день собственной смерти, еще не зная об этом — каждый год круг за кругом, пока однажды часы, ведущие обратный отсчет, не замрут на нулях. Все. Конечная. Просьба выйти из вагонов.

Но, видимо, я не обладаю даром предвидения, потому что не полезла бы ни в какой губернаторский вертолет, а если б и так, ни за что не осталась бы дожидаться санрейса. И вообще, я бы не двинулась с места крушения, потому что теперь была уверена на сто процентов: поищи я повнимательнее, обнаружила бы вертолет где-нибудь окрест — и тогда за мной бы обязательно прилетели, пусть не сразу, но там, на открытом месте, я могла бы предвидеть приближение хищников, которым в тех краях и делать-то нечего: летом они все на реках ищут пропитания в рыбе и друг в друге. Я — дура и сама себя привела к погибели…

Малыш, и так слишком долго стоявший без движения, сделал пару шагов и, не дождавшись реакции матери, опрометью рванул ко мне, просто как из пращи его выпустили. Ну все, прощайте, сопки! Лишь когда он ткнулся мордой в мои руки, раздался повторный рык, и огромная самка надвинулась как танк. Я могла попытаться бежать, но это был бы смертный приговор — она развивает скорость до семидесяти километров в час и, безусловно, нападает на движущуюся жертву.

Медвежонок неожиданно полез по мне. Что и оставалось — поднять руки так, чтобы его мамаша их видела. Смотри, смотри, тварь слепая, — а медведи действительно не отличаются зорким глазом, — я без оружия! У меня почти нет еды, и я только чудом в одиночестве продержалась столько времени в лесотундре. Я далеко не та былинная крестьянка, что пошла на бурого с ножом, чтобы прокормить детей, и убила зверя. Я обычная городская жительница, я не готова отдать себя на корм лесным тварям!..

Морда хищника была прямо передо мной поверх копошащегося на моих коленках клубка. Дети все одинаковы — два карих глаза, круглые и равнодушные,

длинный нос, я даже не знала, что он такой большой и подвижный, чуть розоватые губы, округлые уши, чудовищный смрад — псины и чего-то еще дикого и очень неприятного, тяжелое мощное дыхание и сила — ни больше ни меньше — звериная.

Только однажды, в калининградском зоопарке, мне довелось близко видеть взрослого медведя без решеток. И еще раз до этого — в дикой природе — пестуна, — когда была еще девчонкой и собирала ягоду с сестрой. Но обе эти встречи не шли ни в какое сравнение с этой, наверное, самой последней в моей короткой и ничем не примечательной жизни.

Подняв огромную лапищу, примерно как две мои ноги диаметром, мамаша подхватила детеныша, который кубарем слетел с моих колен и, распищавшись, завалился ей между лап. Если бы не ужас, это могло бы даже показаться забавным: его маленький сбитый задок с пупочкой хвоста взметнулся выше головы да так и остался вверху вместе с блестящими подушечками задних лап. Потом медведица очень медленно развернулась и… дала малышу по заднице лапой, издав какой-то рычаще-ворчащий звук. Клянусь, это было именно так! Даже не пискнув, медвежонок потрусил рядом. Пестун все это время так и сидел у куста, из-под которого вылез, но, когда мать прошла мимо, поплелся следом, только раз обернувшись в мою сторону.

Никогда не думала, что сердце способно так биться! Это были реальные медведи в дикой природе! Те, которыми нас пугали с рождения. И именно те, которые каждый год задирают на Территории по нескольку человек, подбираясь все ближе к поселкам и Городу, никем не контролируемые.

Если мы, находясь на своих дачах за хлипкими заборами, готовя еду и занимаясь домашним хозяйством, еще можем говорить о том, что они к нам вламываются, то здесь я была в их владениях. И они меня абсолютно точно не приглашали.

Никого уже не было минут десять, а я все сидела как мертвая, не шевелясь и, кажется, даже почти не дыша. Руки по-прежнему не слушались, в голове стоял туман от пережитого, к нему примешивалось сильное головокружение от голода. Даже не умывшись, я полезла в рюкзак, который всю ночь был под головой, нашла свои скромные припасы и, с удовлетворением вспомнив, что вчера от усталости не допила немного отвара и не съела положенную конфету, стараясь не торопиться, проглотила эти несчастные кусочек хлебца, сыра и одну «Москвичку». От попадания в желудок хоть какого-то подобия пищи, все внутри пришло в буйство, и рык моих кишок «полетел» над долиной реки почти как медвежий рев.

Сегодня я чувствовала себя еще хуже — изнеможенной, ослабленной и какой-то неживой. Встреча с медведями буквально опустошила. И мнимое чувство защищенности, которое я с таким тщанием в себе растила, растворилось без следа. Мне некуда было бежать и негде скрыться от медведей, росомах, волков, дождей, ветров и голода — самого лютого хищника, каждую минуту жрущего меня изнутри.

Но я еще стояла как одинокая карликовая березка на крутом склоне, меня клонил к земле ветер, мочили небеса, а я гнулась, но стояла, даже не знаю почему. Никогда не думала, что во мне столько сил. Не думала в спортивном зале, когда было так тяжело, вот еще миг и не встанешь, во время сложных пеших и велосипедных маршрутов, даже когда садилась на высокий и тяжелый мотоцикл, с которого много раз падала, я не верила в себя настолько, как сейчас.

Наверное, так и есть: чтобы понять, чего ты стоишь, нужно сжечь за собой все мосты. Я не жгла, за меня это сделали обстоятельства. Но как бы то ни было, у меня оставалась лишь одна дорога — к морю и дальше по побережью на запад. Если не дойду в ближайшие дни, мне конец. И это уже не из-за медведей. Меня доконают голод и нервное истощение.

Надо было что-то делать, как бы ни хотелось лечь и наблюдать за облаками, как они плывут куда-то, им легко и весело друг рядом с другом, и летят они не сами по себе, а подгоняемые воздушными потоками. Вот и я бы сейчас плыла куда-то, не думая ни о завтра, ни о вчера.

Я никогда не тяготилась одиночеством, впрочем, никогда в нем и не жила. Вынужденное давалось легко, я не стремилась к людям и могла оставаться наедине с собой, ни по ком особенно не тоскуя. Но сейчас хотелось выть от невозможности говорить и быть услышанной разумным существом. Только теперь я до конца поняла всю трагедию моей недавней утраты. Не мужа, с ним, решившим предпочесть мне другую, было все ясно. А Алки. Она вошла в мою жизнь так постепенно, незаметно, ни к чему не обязывая, что я долго не могла понять, кто она для меня. И, если честно, всерьез об этом не думала.

Я сложный человек и знаю об этом. Мы все состоим из ревности, зависти, стяжательства, соперничества, порой ничем не подкрепленных амбиций, — только его пропорции в каждом свои. Но эта честность с собой и окружающим миром давала мне одно преимущество — я не строила иллюзий ни на свой, ни на счет людей, которые были рядом. И на Алку смотрела ровно с тех же позиций. Немало прошло времени, прежде чем она очертила вокруг себя и меня незримый круг, разгребла пространство, обустроив его только под нас. Когда люди понимают друг друга с полуслова, смеются над только им понятными шутками и настроены на одну волну — разве этого мало, чтобы просто ценить такие мгновения? Во всей полноте я поняла это, только когда все было бесповоротно: она решила вернуться домой. Правильный или нет, но это был ее выбор.

Боль еще билась во мне острыми углами, еще эхом отдавалась в каждом закоулке души. Жизнь учит принимать обстоятельства и примиряться с ними. И тут, как отрезвляющее падение в ледяную воду, эта катастрофа. Моя жизнь и до последних дней летела под откос со скоростью грузового состава, а сейчас она просто висела на рельсах, под которыми почвы давно уже не было.

Алка проросла в меня, и мы стали двумя растениями в одном горшке, которые сплетаются корнями так, что безболезненно их уже не распутать. Постепенно она вытеснила Алика, который и без того отдалялся как одинокий рыбак на плоту, незаметно сносимый течением в открытое море. Да и как можно доверять мужчине чисто женские секреты?

Мы были с ней друг у друга так недолго и так расточительно раздарили это время по пустякам, что теперь, когда между нами лежало восемь тысяч километров, многого из пережитого становилось искренне жаль. Ничто не возвращается. Ничто и никогда. Ни хорошее, ни плохое.

И в эту минуту у безымянной реки меня терзал не страх смерти, а невозможность вернуть ту жизнь, которую я любила. И которая закончилась гораздо раньше, чем меня выкинуло из вертолета. И не медведей я боялась больше всего. Я с ужасом думала о том, что это все может кончиться вот так просто: не успев начать жить, я просто исчезну. И зачем тогда это все было — первая любовь, аттестат, диплом, замужество, едва начавшаяся карьера и мои многочисленные безумные фантазии? Неужели, целая, я могу превратиться в горстку белых костей и прорасти травой на склоне, где ивы сползают к воде и наливаются синевой ягоды жимолости?

От воспоминаний о вкусе этой удлиненной ягоды я как будто очнулась. Сил почти не было, но чем больше я сидела, тем острее становилось желание не вставать вовсе. Распрямиться получилось не с первого раза. После нескольких наклонов я все-таки поборола естественное желание залезть в кусты и наесться. Вытащив зубную пасту и щетку, пошла к воде — умываться, я же не животное. Пока еще.

Сегодня был день чая, но напиток из пакетика я решила заварить после трапезы из дикоросов, потому что в желудке будто еж катался от мыслей о пище, хоть это была всего лишь ягода. Было еще достаточно рано, роса висела на продолговатых сочно-зеленых листьях жимолости. Срывая первые крупные, удлиненные, чуть бархатистые ягоды, я вспомнила, как моя мама ездила за сто километров от города, чтобы собрать ее, медленно передвигаясь по высоким зарослям почти в человеческий рост вдоль поймы реки и рискуя нарваться на спящего медведя. Все ради каких-то десяти литров жимолости, компот из которой ни я, ни сестра никогда не пили.

Запихивая ягоду в рот огромными порциями, я искренне жалела, что не могу много набрать впрок. Вообще нет ничего вкуснее жимолости, перетертой с сахаром. Если не съедаешь сразу, ее можно заморозить. В последний раз я отвезла маме жимолости в пластиковом контейнере ровно год назад, когда мы с Аликом еще были вместе и даже общепринятые приметы умирающего брака не предвещали нашей скорой разлуки. И Алка была рядом — веселая как кошка, такая посеверному живая и открытая столичная девчонка, которая спервоначалу уже была нашей, человеком Территории. И хоть многие говорят, что это не так, что люди здесь испортились и обмельчали, что куваевские супермены умерли вскоре после выхода «Территории» в свет, мы все равно другие, мы горим изнутри и греем в самые лютые холода друг друга этим теплом.

Я ела и плакала от нахлынувших горько-сладких воспоминаний, о многочисленных утратах и незначительных приобретениях. Все в тот час возрождало во мне новые и новые обрывки минувшего, которые отрывались с мясом и улетали за облака. Я, возможно, никогда не найду дорогу и больше не увижу море…

Двигаясь от куста к кусту, я терпеливо и тщательно объедала сладкие душистые ягоды, понимая, что придется остановиться, потому что после стольких дней голодовки естественные кислоты, содержащиеся в жимолости, могут спровоцировать обострение моей зарубцевавшейся язвы — результата раннего увлечения сигаретами и плохой наследственности. Собирать в пакет было тоже приятно: это давало ощущение защищенности. Наверное, именно так себя чувствуют бурундуки или те же евражки, складирующие в укромное место шишки. Легенда гласит, кстати, что, если разорить бурундучье хранилище, он найдет раздвоенную ветку и повесится. Надеюсь, это не так.

Вернувшись к месту ночевки, я почувствовала себя тем самым бурундуком: моего рюкзака нигде не было. Пустое место на сложенных бревнышках так изумляло, что я верила и не верила своим глазам. Точно помню, что оставила заплечный мешок полностью закрытым. Предварительно подкинув поленьев в огонь, чтобы он не дай бог не затух, пока меня не будет, я ушла в заросли, буквально на двадцать метров углубилась в них. Кто же меня ограбил? И как теперь мне продолжать идти к морю, к людям, к дому?..

Ненавидя себя за глупость, я забегала вдоль берега, но ничего не нашла. Не было здесь даже намека на мою сумку. И что дальше? Ноги так и подкосились. Я рухнула на нагреваемый солнцем галечник и впала в самую настоящую истерику. Понимая, что теряю последние силы, я плакала еще горше и безысходнее, окончательно осознав, что это долбаный конец. Я не была ни сильно хорошей, ни очень уж плохой. Почему именно меня Господь оставил в этой ловушке и, как особо изобретательный разработчик какой-то жестокой игры, вводит новые и новые правила? Как только я начинала адаптироваться к сложившимся обстоятельствам, появлялись новые, раз от раза страшнее и опаснее.

«За что?! — орала я, как мне чудилось, внутри себя, но на самом деле во всю глотку, и собственный голос мне казался чужим. — …мне все это? Что я сделала? Кому?»

Голос затихал, как увядает под палящим солнцем цветок. Так отпадали и мои слова — одно за другим, отражаясь эхом от сопок и растворяясь в воздухе.

На мои вопли птицы ответили яростным чириканьем: к кедровкам присоединились вороны, которые с нескольких веток осыпали меня возмущенным клекотом. Нравилось мне или нет, я все еще была жива.

У моего отца на руке была вытатуирована надпись на латыни: «Пока дышу — надеюсь». Я помнила эти синие закорючки неизвестных мне слов, разместившиеся на тыльной стороне его шершавой ладони от большого до указательного пальца. И даже когда он лежал в гробу, небрежно зашитый после вскрытия, фраза эта все еще синела на его коже. «Пока дышу…»

Небо было совсем другим, чем утром. По облачкам кто-то провел невидимой гребенкой, и они стали барашками волн. Какое же все-таки красивое на Севере небо. Такое же суровое, как земля, но прекрасное, белые пуховики, задевающие верхушки сопок, — сколько раз я видела это в походах. И там, по линии горизонта, оно цеплялось за землю, так, что порой было не разобрать: эта громадина еще гора или уже облако.

Ветер нес по долине реки ароматы дальних уголков Территории. Он освежал мою печаль и иссушал слезы. Он шептал кронами довольно высоких деревьев, что все проходит и это тоже пройдет.

Передо мной вновь встала сложная задача: искать рюкзак или идти без него. Но куда и с чем? С банкой углей и пакетом жимолости? Это очень смахивало на самоубийство. Пакеты, веревка, кое-какие предметы одежды… Да и косметика, пусть это и глупо, позволяла мне надеяться, что я вернусь. Всякий раз, когда брала в руки баночку крема или маску, наносила ее на лицо с одной лишь мыслью — быть такой же, как и раньше, в день спасения.

Если рассуждать логически, рюкзак могла утащить росомаха, все-таки перебравшаяся на этот берег и не испугавшаяся присутствия сразу трех медведей, ну ладно, двух. Или сами косолапые в поисках еды, которой пропах рюкзак, хоть ее там почти и не было, не смогли открыть молнию и уволокли добычу в кусты. Больше всего я боялась, что звери, наигравшись, кинули его в реку... Нет, нет, это бред. Обследовать дно я не могла, потому что вода была очень холодной, и лезть в нее после купания предыдущим вечером я опасалась. Тем более не изучив окрестности.

Оставался единственный наиболее вероятный вариант — мои вещи все-таки у медведей, и придется мне искать зверей по следам: примятой траве, проломленным в форме арки кустам, клочкам шерсти на ветках, обглоданным ягодным зарослям и экскрементам. Я поверить не могла, что всерьез рассуждаю над слежкой за диким животным, который одним взмахом лапы может отправить меня на тот свет, а может еще и помучить, но был ли у меня хоть какой-то иной выход?

Подкинув в костер достаточно топлива, я отправилась в ту сторону, где в последний раз видела семейство, какое-то время блуждала от поляны к поляне, пока не нашла медвежью тропу, протоптанную в ивняке и зарослях жимолости. По всему выходило: лакомясь на ходу ягодой, они удалялись вдоль поймы реки.

Дорога могла занять не один час, поэтому, рассудив благоразумно, я вернулась, набрала углей в банку, предварительно засыпав внутрь, как и в предыдущий раз, земли и золы, закрыла свой горшочек с теплом и, обернув его в майку и жилет, которые сняла перед тем, как рвать ягоду, отправилась на поиски, с каждым шагом осознавая, как безалаберно рискую. Если в первую встречу медведица не разорвала меня, это еще не значит, что ее можно преследовать и отнимать добычу. Но если время будет упущено, о рюкзаке, скорее всего, придется забыть.

День горел самыми яркими красками. Буквально через пятнадцать минут поисков я взмокла и хотела окунуться, а не лезть через заросли. Чем дальше углублялась

в лес, тем яростнее меня мучили сомнения, правильный ли след я взяла. От лагеря меня уже отделяло порядка трех километров, и шла я не в нужном направлении, а на юго-восток, но надо мне было точнехонько на юг, даже слегка юго-запад. Этот крюк еще мог сослужить мне злую службу: я рисковала проползти не один десяток труднопроходимых километров из-за изменения маршрута.

Когда самобичевание достигло апогея и я всерьез решила поворачивать и лезть в сопку, пусть уже без имущества, но все еще живая, впереди буквально за кустами послышались звуки борьбы — треск, рык, писк. Ветер дул в мою сторону, так что звери не могли меня учуять, и я осмелилась выглянуть: прямо у реки, пока бурая мамаша на другом берегу, там, где вода завихрялась у подмытого берега, ловила рыбу точными размашистыми выпадами, на камнях резвились пестун и малыш.

Мой пожеванный рюкзак лежал рядом с тем местом, откуда я и глядела. Не нужно было обладать даром предвидения, чтобы понять, что эти бурые твари его подразодрали и сожрали все, что только смогли, включая кремы и маски для лица. Пожеванные патчи валялись по всему берегу, а почти у воды я с досадой узрела упаковку от «Миндаль Иваныча» и одну красненькую обертку «Москвички».

Какого черта мне теперь делать? От досады хотелось выть и кататься по земле. Еды нет!!! Единственное, что еще интересовало меня в заплечном мешке, кроме трусов «Викториас сикрет» и парфюма «Экс Нихило», — пакеты и веревка, ведь именно с их помощью все эти дни я спасалась от дождя и ветра. Сейчас жарит солнце, а через час меня будет заливать водой и пронизывать ледяными потоками.

Не рискуя обнаружить себя, я нащупала прутик и попыталась зацепить им рюкзак за лямку, но веточка была слишком тонкой и гибкой для такой сверхзадачи. Я так увлеклась «рыбалкой», что выпустила из виду все, что происходило на поляне. И зря.

Когда боковое зрение зафиксировало движение, было слишком поздно: малыш был прямо передо мной — веселый и любопытный. Мамаша, казалось, не замечающая ничего, кроме лососей в воде, ринулась вброд с такой скоростью, что я едва успела зацепить рюкзак и сигануть на корявую лиственницу. Впервые с самого детства я карабкалась, как обезьяна, позабыв, что медведи лазают по деревьям ничуть не хуже людей. Если не сказать, гораздо лучше.

Ноги тряслись так, что с лиственницы падали иголки. Медведица оказалась рядом со стволом буквально в тот момент, когда моя левая нога встала на самую нижнюю ветку. Конечно, она могла полезть следом, но не стала этого делать. Детеныш зарычал. На человеческом языке это, очевидно, значило: «Ну куда же ты?»

Тонкие, не внушающие доверия ветки лиственницы подрагивали от ветра и моих неловких движений. Всякий раз, когда я оказывалась перед лицом непреодолимой силы обстоятельств, хотелось плакать. То были слезы отчаяния. Ведь пока могла, покуда оставалась хоть едва различимая надежда что-либо изменить, я боролась. Но в ту минуту, загнав себя в ловушку, я поняла, что больше не могу. Ноги отекли уже через полчаса. Руки дрожали от слабости. Но, стиснув зубы, как в спортзале при сложном, почти невыполнимом упражнении на выносливость, я дрожала, но не шевелилась, удивляясь сама себе. Если упаду, рискую сломать позвоночник.

…Медвежье семейство, лениво лежавшее на берегу, сыто икало от сожранной рыбы. Казалось, они забыли о моем присутствии. Детеныши — да, их память еще коротка, но мамаша, ни разу в упор не взглянувшая на дерево, постоянно держала меня в поле зрения. Я видела, как она косилась в мою сторону, чем бы ни занималась.

Нужно попытаться спуститься и дать понять хищникам, что я им неопасна, что ухожу. Самое сложное — чтобы малыш не подбежал ко мне снова, потому что

его мать, что и понятно, реагировала на каждый наш контакт крайне нервно. И я вообще не понимала, почему все еще жива.

Спуститься оказалось не так-то просто: ноги не слушались. Такое со мной случалось лишь в редакции: работая над собственным материалом или вычитывая чужие, я по нескольку часов не меняла позы, мучаясь жаждой, голодом, и когда наконец вставала, ноги буквально подламывались, через какое-то время начиная зудеть и выворачиваться из суставов. Медики говорят, это верный путь к тромбозу. Могла ли я подумать, испытывая такие муки, что когда-нибудь они покажутся далеко не самыми невыносимыми.

Как только я разменяла несколько верхних веток на средние, медведица пришла в движение, как бы сама по себе подошла к моему дереву и легла у шершавого старого ствола с облупившейся корой. Вероятно, она посчитала меня слишком незначительным животным для открытой вражды, да, собственно, так оно и было, но инстинкт подсказывал держать чужеродное существо подальше от потомства. Медведи редко нападают на людей, и всегда — по весомой причине. Сейчас ее не было. Но и слезть с дерева хищница мне не давала, недвусмысленно на то намекая. По всему выходило, что я очень храбрая, последние дни это показали. Но самоубийцей я все ж таки не была.

Ветка, на которую меня загнала судьба, оказалась более или менее удобной: северные деревья, как правило, невысоки и не коренасты. Но на этой даже можно было с комфортом сидеть. Впервые без слез и вполне трезво, хоть и отрешенно, я обозрела окрестности. Как же здесь было красиво! Как покойно. Медвежата, умаявшись от игр и обильной пищи, млели на солнышке как щенки. Их мать дремала на подушке изо мха под моим деревом и даже не ворочалась, только уши периодически приходили в движение, что означало, что спит она некрепко и спуститься незамеченной мне не даст.

Река несла свои воды, подпрыгивая на камнях, озорно перекатываясь на порогах, разрезаясь острыми камнями, огибая островки. Текла куда-то, потому что такой была ее жизнь, ее природа. А какой была моя?

Мне почему-то вспомнилась наша с Аликом свадьба. Были ли мы хоть один день потом счастливее, чем в тот? Вероятно, я вернулась в то лето, потому что тогда мы тоже стояли у реки: он и я. Он, я и его брат. Да. Я никому не сказала, ни подругам своим, ни маме, что была в него влюблена, что мы целовались — всего однажды — за неделю до свадьбы в гостях у их родителей. И что я голову чуть не потеряла, хотела все отменить, но он был мне неподходящей парой. Я поклялась, что никто не узнает, и сдержала клятву. Даже наедине с собой я не возвращала его поцелуй, боялась пережить заново это пьянящее чувство и уже не дать по тормозам.

Мне казалось, я любила Алика, но в его непутевого брата была обреченно влюблена. В его присутствии я распадалась на атомы, но, как хорошая актриса, контролировала каждый жест и взгляд, проводя внутри себя колоссальную работу, чтобы ни у кого и мысли не закралось, что так вообще может быть. Даже Алик не знал. Он, различавший сотни оттенков моего настроения по движению бровей, не догадывался, что за одно прикосновение его брата я могла бы отдать полмира. Но даже к вопросам любви я подходила рационально.

У реки он взял меня за руку и притянул к себе — лишь на мгновение — для целомудренного поцелуя в щеку. Я вся дрожала, а душа рвалась как истлевшие паруса под смертоносным порывом ветра, он чувствовал, как под моей кожей угасает неровный пульс, и молчал. Мы говорили взглядами о том, что и так знали.

Только сейчас, на этом дереве, я поняла, что должна была испить эту чашу до дна, что мое малодушие стоило нескольких лет, во многом мучительных, непро-

стительно растраченных на сосуществование с чужим и, к тому же, еще до свадьбы мысленно обманутым человеком. Как ловко мы подменяем понятия, когда речь заходит о наших грехах. Скажи мне кто-нибудь, что общая знакомая крутила сразу с двумя братьями, и я незамедлительно обозвала бы ее шлюхой.

…День медленно, но неумолимо перетекал в вечер. Я не прошла и трети обычного маршрута, растеряла остатки пищи, попала в медвежью западню, мучилась голодом и жаждой, а больше всего переживала, что в банке потухнут угольки, и тогда уже можно дать медведице палкой по башке, чтоб она меня поскорей растерзала, покончив с этой заранее обреченной на поражение борьбой за существование.

У меня так затекло все ниже поясницы, что слезы теперь наворачивались исключительно от боли и онемения. Все может кончиться очень плохо, потому что столько сидеть в неудобной позе опасно для здоровья и жизни. Когда я уже окончательно потеряла связь с реальностью, находясь в какой-то затяжной дреме, медведица встала и направилась к детенышам, проснувшимся и шуршащим по кустам.

Сейчас или никогда. Не веря, что действительно это делаю, я стала спускаться, но на первой же ветке поняла, что нижняя часть туловища полностью парализована, я просто вишу на руках. А до земли было не меньше трех метров!

Положение усугублялось тем, что я не могла помочь себе ногами и просто болталась тряпкой, чувствуя, как с каждой секундой слабеют и вянут руки, как срезанные и оставленные без воды цветы. Что мне не давалось на уроках физкультуры, да и в спортзале — это подтягивание и рукоход. С первым я почти справилась путем интенсивных тренировок, но вот второе… Поэтому рассчитывать сейчас на чудо и ловкость рук было по меньшей мере самонадеянным.

Казалось, меня хоть надолго, но хватит, но в какой-то миг пальцы расцепились, и… я кулем рухнула на землю! Когда открыла глаза, рядом с головой торчал огромный валун. Мне в очередной раз повезло. И на этом, кажется, все, потому что малыш и его мамка наперегонки косолапили прямо по курсу. Везти в общении со зверями вечно мне не могло, поэтому я просто зажмурилась, молясь, чтобы неизбежное наступило как можно скорее и не принесло нестерпимой боли.

Что-то влажное и пахнущее псиной ткнулось мне в глаз и заелозилось. Мои ресницы куда-то всасывало, потом щеку обожгло что-то горячее и шершавое — язык! Сначала он прошел робким пунктиром от уха к носу, а после заработал во всю мощь — как швабра по полу. Я могла терпеть, не шевелясь, но только не в ухо! Нееет!

Вопреки самоконтролю я засмеялась и легонько толкнула обладателя мягкой сбитенькой шубки, за чем последовал отнюдь не детский рык. Надо мной вместе с малышом стояла мамаша и смотрела, как на насекомое, — с любопытством и пренебрежением. Для нее я, очевидно, была сродни детскому игрушечному паровозику — пока ребенок молча с ним возится, мать это вполне устраивает.

Такое положение вещей и мне было на руку. Самое страшное уже произошло: я встретилась в северном лесу с самым опасным хищником, даже в количестве трех штук, и была все еще жива. Но не это пробуждало внутри какую-то иррациональную радость: теперь я была не одна. Мы все-таки врем себе, говоря, что не боимся одиночества. Оно бывает необходимо для прочистки мыслей и разделения чувств на истинные и ложные, обнажающие правду. Для мня блуждание по сопкам и лесам перевернуло все с ног на голову: я больше не знала, кто я, ради чего жила, куда стремилась, где мое место.

…Влажный неторопливый туман плыл над рекой, укутывая деревья фатой и слегка касаясь водной глади. Прошел целый день, наверное, ставший первым

откровением за всю мою жизнь, расставивший по своим местам самые большие вопросы, некогда меня волновавшие. Именно в этот миг я поняла, что больше никогда не буду подгонять время и торопить события. Колесо наконец остановилось и дало мне возможность посмотреть по сторонам. Пора окунуться в свою отложенную жизнь.

Мы все на Севере заражены этим синдромом: счастье — это где-то там, в будущем, когда появится своя квартира на «материке», а еще машина, работа, достаток, отпуска в теплых краях без необходимости восьмичасового перелета за большие деньги.

Нет! Счастье либо здесь, сегодня и сейчас, либо никогда. Это ведь так просто и так неисполнимо трудно — жить настоящим. Не вставать на цыпочки, чтобы заглянуть за горизонт, не мучить шею, постоянно оборачиваясь на минувшее, а просто идти шаг за шагом, наслаждаясь каждым движением, ощущением, запахом, звуком. Жизнь ведь не за линией гор, а вокруг тебя. Я поняла смысл жизни. Смысл — это суметь просто жить, принимая жизнь со всеми ее недостатками, получать от нее удовольствие, извлекать уроки, учиться на ошибках, становиться мудрее и, возможно, учить других.

Но чего мы не умеем, так это ждать. Ждать — это самое сложное, потому что ничего не происходит. Но именно в этот момент и решается судьба каждого из нас: невидимый барабан уже раскручен и скоро выпадет счастливое число — наше или кого-то другого. Наше выпадет точно, лотерея-то беспроигрышная, но, кажется, мы просто теряем время, убегаем, чтобы бежать, чтобы делать что-то, не стоять на месте, и уже не слышим, когда произнесли наш номер.

Мысль, которая втекла в меня с водами этой безымянной реки на закате шестого дня, была проста и в простоте своей убийственно очевидна: если ничего не происходит — значит, время еще не пришло. Кто-то там, наверху, знает лучше каждого из нас, когда прибыть нашему автобусу и куда ему следовать. Достаточно просто прийти на остановку.

Да. Мне для чего-то нужно было сесть в этот вертолет. Это мой кратчайший маршрут из одной точки в другую. Абсолютно очевидно, я могла погибнуть несколько раз в жизни, даже помню, когда и по какой причине. Но всякий раз чьи-то невидимые руки отодвигали смерть. Я не могла умереть, не поняв. А теперь поняла. И теперь мне не страшно.

Я сидела на мхе и глядела, как вода все бежит куда-то. Рядом валялся маленький мишка. Вволю наигравшись с моими руками, нанюхавшись, нализавшись, натолкав меня задними лапами, он просто таращился на меня своими пуговицами, озорно раскинув коротенькие лапы. Медведица была все время рядом, издавала какие-то лишь им троим понятные звуки, ко мне не подходила, но наблюдала неотрывно. Пестун был с тем еще характером: он в упор меня не замечал, как будто ревновал к тому вниманию, которым я была окружена.

Есть хотелось до обморока. Пакет с ягодой все еще был со мной. Рюкзак так и остался валяться под деревом, я не заглядывала в него и не знала, могу ли там на что-то рассчитывать. На поясе все так же была привязана банка с углями, если они, конечно, уцелели после падения. Скоро наступит ночь. Нужно что-то снова решать с ночлегом и моими новыми друзьями. То, что я проведу ночь в обществе трех медведей, казалось до того неправдоподобным, что и верить в такое было даже смешно.

Рискнув, я потихоньку поднялась на ноги, ощущая возобновившуюся ломоту в спине и пояснице. Очевидно, падая, я повторила траекторию шестидневной давности и усугубила старые травмы. Только начавшая заживать рука снова

разнылась и стала почти обездвиженной. Малыш поковылял за мной под недовольное ворчание мамаши. Она поняла, что я безоружна и слаба, от меня не исходило ни страха, ни агрессии.

У меня не было шерсти, зубов и когтей — кожа да кости. Я не претендовала на их пищу, не обижала младших, не делала резких движений, не издавала почти никаких звуков, ничем особенным не пахла. Я как бы была, и меня как бы не было. Только эта прозрачность спасала меня от страшной участи, но, всякий раз смахивая волосы с лица, почесываясь, кашляя, я боялась, что это станет последним, что я успею сделать. Но обстоятельства снова диктовали свое: ночью без костра я замерзну, стоит ли в этом случае переживать из-за соседства с медведями?

Собирая хворост и сухую траву, я то и дело ныряла в пакет с ягодой. Малыш ходил за мной по пятам, поэтому приходилось его угощать. Сначала я оставляла немножко ягоды на камнях, и первую порцию, прорычав что-то ребенку, обнюхала мать, после чего отступила и снова улеглась, а после я кормила его с ладони. Он потешно утыкался мохнатой мордахой в сложенную лодочкой руку и аккуратно выедал ягодки языком и мягкими губами, изрядно ее обслюнявливая. Потом на какое-то время отбегал и снова приставал. Мне не жаль было ничего для такого милахи — дети все одинаковы, — да и наесться жимолостью после такой ожесточенной голодовки было нереально, даже если бы ее оказалось целое ведро.

Изрядно осмелев, но также не выпуская хищников из поля зрения, я заглянула в свой истрепанный рюкзак, найдя в нем разорванные пакеты уже без еды, пограбленную косметичку и целые кульки, которые предусмотрительно сунула в другое отделение. Я решилась наконец развести костер, обложив его камнями, соорудила вокруг шалаш из трех крупных веток, полиэтиленовых пакетов и тонкого стланика, который мне удалось нарвать. Все это время мелкий мишка ходил за мной по пятам, но в какой-то момент его окликнула мамаша и увела куда-то вглубь леса. Пестун ушел следом как тень.

Я понимала, что состою не в самом удачном соседстве, но выбора не было. Они — хозяева тайги. Мне придется мириться с их присутствием и соблюдать меры повышенной осторожности, чтобы не навлечь на себя гнев крупной особи, потому что пока никто не выказывает желания меня сожрать, и это обнадеживает. А в том, что они вернутся, у меня не оставалось никаких сомнений.

Приоткрыв жестянку, я с ужасом констатировала, что из всех углей пригодным к розжигу был всего один, который находился в середине. Надеясь на огонь, я была полна оптимизма, но в эту минуту благостное расположение духа сменилось волной паники: я одна в лесу, голодная, рядом шатаются медведи, а впереди холодная, полная страха ночь. Пытаясь дышать как можно ровнее и глубже, я бережно уложила угольки на солому, делая все так, будто как минимум обезвреживаю бомбу. Несколько минут, показавшихся мне вечностью, ничего не происходило, а после в моей яранге повеяло легким дымком, и мне снова захотелось танцевать и петь.

Когда огонь окреп и набрал силу, я почувствовала себя невероятно, почти по-домашнему уютно: настил из стланика, треск костра, крыша над головой, полный термос чая, пусть пить его больше не с чем. И не важно, что я давно забыла вкус пищи, что держалась на выносливости и силе духа, что голова кружилась почти не переставая, все чаще одолевала сонливость и апатия, любое действие длилось вдвое дольше, правая рука все еще не поднималась и я совершенно не чувствовала себя здоровой.

В редкие минуты блаженного спокойствия я умудрялась мысленно представить вокруг себя защитный кокон: это всего лишь многодневный поход, что я, напри-

мер, геолог и нахожусь в одиночной рекогносцировке. А что? Есть река, значит я вполне могу быть золотоискателем-промывальщиком. Это, конечно, представлялось диким бредом, но такой способ ухода от реальности был защитой моего истощенного мозга.

Греясь от огня, я взяла «Территорию» и углубилась в чтение. Если вселенная и говорила со мной на языке обстоятельств, то она подкинула мне самую верную книгу. С Куваевым я просто не могла быть одна, со мной были Чинков, Апрятин, Баклаков, Сергушова и, конечно же, Гурин — герои, у которых, я это знала, существовали реальные прототипы, некогда работавшие на реальной Территории.

Разве у предпоследнего авантюриста Андрея Игнатьевича Гурина или у молодого инженера-геолога, озабоченного своей мускулатурой, Сергея Баклакова могли возникнуть затруднения с пребыванием на лоне природы каких-то там шесть дней? Они по полгода были в поле, преодолевали реки вплавь, покрывали расстояния в пятьсот километров в одиночку и жили по принципу «Делай или умри». Так чего же я раскисла как бумажная салфетка? Сегодня просто был тяжелый день. Завтра все станет значительно легче. Подоткнув разорванный рюкзак под голову, укутавшись во все, что только можно, я подкинула дров и закрыла глаза.

(Окончание в следующем номере.)